

The background of the cover is a detailed illustration. A man with dark hair and a beard, wearing a white shirt, a dark patterned vest, and a black cape, stands on the left. He is looking towards the viewer with a serious expression. A woman with long, wavy blonde hair is seated on the right in an ornate chair. She is wearing a light blue, long-sleeved dress with intricate lace or floral patterns. She is holding an open book in her lap and looking off to the side. In the foreground, on the left, is a small round table with a silver candelabra holding five lit candles. On the table is also a closed book tied with a ribbon. The background features a stone wall, some foliage with red flowers, and a cloudy sky.

ТАТЬЯНА
АБАЛОВА

18+

ДНЕВНИКИ
ФАВОРИТКИ
ЧУЖАЯ ЖЕНА

18+

Татьяна Абалова

Дневники фаворитки

«Автор»

2020

Абалова Т.

Дневники фаворитки / Т. Абалова — «Автор», 2020

На свадьбе Дикрея и Милены появляется незнакомец и объявляет право на первую брачную ночь. От выгодной сделки брат невесты отказываться не собирается, но и жених не встает на защиту любимой, поэтому она вынуждена подчиниться. Попытка осмысления той ночи и последующих событий заставляет Милену вести дневники. Но она никогда не была бы настолько откровенна, если бы знала, что ее записи попадут в чужие руки. Диалогия. Две части в одной книге.

© Абалова Т., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть первая. Чужая жена. Глава 1. Право первой ночи	5
Глава 2. Поросшее быльем	9
Глава 3. Выбор	12
Глава 4. Драконий замок	16
Глава 5. Безумие	20
Глава 6. Тайны старой крепости	24
Глава 7. Большая волна	28
Глава 8. Фаворитка	32
Глава 9. Тяжелый день	36
Глава 10. Смерть ходит рядом	41
Глава 11. Плачут ли короли	45
Глава 12. Виверна	49
Глава 13. Два одиночества	55
Глава 14. Фатальная случайность	59
Глава 15. Дочь непокорная	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Татьяна Абалова

Дневники фаворитки

Часть первая. Чужая жена. Глава 1. Право первой ночи

– Право первой ночи!

Незнакомец, в составе других охотников случайно забредший на нашу с Дикреем свадьбу, поднялся из-за стола. Произнес негромко, но был услышан сразу и всеми. Даже музыканты, которые, казалось бы, самозабвенно дули в свои пищалки, резко оборвали мелодию. Они застыли, так и не набрав в легкие воздуха и не выдав новый виток обрядной песни «Сай-тар»*, что на языке древних означало «невинность».

Смолк хор девичьих голосов, только что выводивших славицу невесте, сберегшей себя для любимого.

Сползла с лица Дикрея улыбка. Поставленный на стол нетвердой рукой кубок, по традиции наполненный отваром мощь-травы*, опрокинулся. Покатившись, он со звоном разбился, заставив меня вздрогнуть.

Бурое пятно отвара некрасиво расплзлось по скатерти. Я медленно опустила руку с зажатой в ней белой лентой – символом непорочности невесты.

Что еще запомнилось? Глаза брата. Алчные, полные предвкушения. Гавар с обожанием смотрел на незнакомца. Не на меня, принесшую в семью солидный свадебный выкуп, который обеспечивал переезд в столицу – на охотника, прошедшего не один час на болотах и пропахшего ими же. С его высоких сапог еще не успела сползти жирная тина. Он и не собирался на свадьбу и вряд ли знал о нашем существовании. Шел мимо, услышал музыку, остановился полюбопытствовать и вот...

Лишь по нервному окрику брата: «Дорогу заявившему право!», и по тому, как безмолвная толпа торопливо, толкая друг друга, оттесняя от меня плачущую, но не смеющую роптать мать, расступилась, я осознала, что меня отдали сильнейшему.

Вот так закончился самый волнительный из придуманных нашими предками танцев. Я готовилась к нему, утопая в мечтах. Сама нашивала ленты на свадебное платье, стараясь не делать узелки, чтобы шелковые полосы легко обрывались в руках подружек, а позже, в уединении, спали лепестками ромашки стараниями жениха. Я представляла, как последнюю – опоясывающую талию, глядя мне в глаза, развяжет Дикрей. И платье, наконец, соскользнет к моим ногам, являя наготу невесты.

Охотник не притронулся ни к одной из лент. Не знал обряд? Или не хотел тратить на него время?

Ткань платья трещала по швам. Нетерпеливые руки желали добраться до моего тела. Я смотрела на происходящее со мной с безучастностью зрителя, набредшего на выступление ярмарочных лицедеев. И никак не могла поверить, что меня так легко уступил жених. Не схватился за оружие, не окликнул работников.

Белые простыни с кружевом по кайме – на него я потратила почти год, нежный пух одеяла, расшитого по углам невинно-розовыми цветами и грязные сапоги: охотник не стал себя утруждать. Лишь снял перчатки из тонкой замши да расстегнул камзол, чтобы не душил жестким воротом. Не справившись с платьем, просто задрал подол.

Сначала вошел пальцем. Молча. Изучающе глядя мне в глаза. Потом, повозившись с пряжкой ремня, навалился всем телом. Аромат цветов, стараниями подружек украсивших спальную комнату, уступил крепкому запаху мужского тела.

Я закусила губу.

– Не закрывай глаза, – произнес охотник, с силой разведя бедра, которые я с упорством дурочки сжимала.

Боль была острой и неотвратимой. Я дернулась, закричала, но мой вопль запечатали жесткие губы с запахом вина.

В первый раз охотник успокоился быстро. Тяжело дыша, рухнул рядом. Рука по-хозяйски похлопала меня по животу.

Мне даже показалось, что он уснул, но стоило пошевелиться, думая освободиться из-под тяжелой ладони и одернуть скомканный подол, как услышала твердое:

– Еще не все.

На этот раз он разделся. Сапоги полетели куда-то в угол, рубашка белым флагом повисла на спинке стула. Расстегнутые штаны явили готовность охотника к продолжению. Мои потуги отодвинуться, сползти с кровати, привели к тому, что меня поставили на колени и уткнули лицом в подушку.

Может быть, он даже был нежен, не знаю. Я находилась словно в тумане, когда очертания предметов обманчивы, а чувства лживы. В тумане трудно сказать, что является правдой, а что просто видится. Я чувствовала поглаживания и поцелуи на обнаженной части тела, ведь пояс на платье так и не был разрезан. Пальцы охотника сжимали грудь, через ткань прищемляли соски, дыхание тревожило мелкие пряди, выбившиеся из скрученной короной косы. Из нее так и не вытащили мелкие ромашки и не распустили волосы, как положено по обряду.

«Все ложь, все ложь».

Охотник больно прикусил мочку уха, поэтому я пропустила момент, когда он вошел в меня. Его порывистое дыхание оглушало, тело сотрясалось от ударов, руки, сжавшиеся обручем на талии, ломали пополам.

«Когда-нибудь это закончится, и он уйдет».

Под утро, когда лучи Лейрены* робко заглянули в комнату, охотник взял меня в третий раз. Торопливо, скупясь на лишние движения.

«Пусть он уйдет. Пусть он уйдет», – стучало в моей голове. Я смотрела на белый потолок, на блики светила, пробивающиеся сквозь ветви дуба. За окном просыпался мир. Мычали недоенные коровы, перекрикивались конюхи, вернувшиеся с ночного, гремели посудой слуги. Свадьба кончилась. Сейчас разберут шатры на лужайке перед домом, занесут столы и скамьи. Начнется новый день.

Лишь у меня все еще продолжалось «вчера».

«Пусть он уйдет. Пусть он уйдет».

Скрипела кровать, ее спинка ритмично билась о стену.

Я потрогала языком губы. Они болели. Болело ли внизу? Возможно. Но я ничего не чувствовала. У меня словно не было ног и того, что находится между ними. Вот грудь была – стоило прикоснуться, и соски отозвались тупой болью, живот был – я ощущала на нем горячую руку охотника, а ниже ничего не было.

«Пусть он уйдет. Пусть он уйдет».

Шелестела одежда, гремела пряжка ремня.

Я выдохнула. Мечты сбываются.

Что-то тяжелое упало на подушку рядом с моим лицом.

– На бастарда, – бросил короткое охотник перед тем, как хлопнуть дверью.

Не оказалось сил даже плакать. Я спихнула на пол кошель с деньгами, и он, развязавшись, вывалил содержимое. Я наклонилась и подцепила пальцами золотой вир*. С него гордо взирал куда-то в будущее тот самый охотник.

– Что, шлюха, не знала кому отдавалась? – в дверях стоял Дикрей. Он был пьян. К одежде, еще вчера совершенно новой, а теперь отвратительно мятой и драной, липла солома.

– Дикрей, что ты такое говоришь? – слова давались с трудом, я не узнавала свой голос. Он был чужим. Хриплым, каркающим. Я, соскочив с кровати, расправляла трясущимися руками подол, чтобы не дразнить ставшего вдруг зверем мужчину, но случилось обратное. Дикрей, увидев на смятых простынях пятна крови, впал в ярость.

Налетев на меня ураганом, стукнул всем телом о стену. Безжалостная ладонь сомкнулась на горле, а когда я, отчаянно трепыхаясь, вцепилась в его пальцы, его вторая ладонь рванула ленту на талии. Как и было когда-то задумано, платье волной упало к моим ногам.

Я не могу без содрогания вспоминать то, что случилось после. Продолжая душить, он бивался в меня.

– Никаких бастардов. Он будет моим. Моим. Моим. Моим...

Я думала, больно – это когда тебя лишают девственности. Нет. Я ошибалась. Больно – это когда тебя насилует любимый, еще вчера сдувавший пылинки и выполнявший любую прихоть.

Руки, но не боль, отпустили внезапно. Дикрея оторвали от меня и поволокли куда-то за дверь. Я съехала вниз по стене и уже не пыталась прикрыться. Я смотрела на расплывающуюся подо мной кровь, смешанную с мужским семенем, на голые ноги, такие белые по сравнению с загорелыми руками, на рассыпавшиеся монеты, ослепительно яркие в лучах Лейрены.

Я хотела умереть.

– Отнесите ее в карету!

– Сию минуту, Ваше Величество, – брат торопливо набросил на меня покрывало, запахнул его кое-как на спине, кряхтя поднял на руки и побежал.

Сейчас я ненавидела Гавара. Этим бегом с тяжелой ношей в руках он выдавал все свои мечты, все стремления. О возвращении ко двору, о чем говорил с матушкой непрестанно, о планах на выгодную женитьбу, о получении должности, где можно безбоязненно принимать подарки. Нет, не взятки. Какие взятки, если они будут преподнесены от всей души? Подобострастие чувствовалось в каждом его жесте. Как укладывал на сиденье, как поправлял покрывало, как старательно не смотрел мне в глаза. Даже находясь спиной к королю, он продолжал внимать каждому его слову, каждому движению.

Король сел на сиденье напротив моего. Я даже не попыталась принять достойный вид. Наплевать.

Лесенку уже сложили, но брат не спешил покинуть карету.

– Кхм, – согнувшись пополам, он ждал внимания короля, устало расстегивающего камзол. – Ваше Величество...

Тот, наконец, вспомнив о Гаваре, перевел на него взгляд. Слабо шевельнул рукой, приказывая убираться.

– Но как же? Сестра... От сердца отрываю... Еще надо Дикрея умаслить...

– Я пришлю человека.

Карета тронулась, брата выдернули из нее точно так же, как совсем недавно отшвыривали от меня Дикрея.

Я специально не указываю даты. Пусть будут ничего не значащие звездочки. Этот дневник не только свидетель того, что со мной происходило, но и вместилище размышлений, попытка осмысления людских поступков и характеров. Сегодняшний день может быть перебит воспоминаниями далекого прошлого. Насколько далекого? Я вовсе не глубокая старуха и даже не умудренная годами женщина. Я – бывшая невеста, которая никогда не станет женой, потому что именно в день свадьбы моя жизнь разделилась на до и после. До – это детство и Дикрей, после – это король. Только король.

Сноски:

Сайтар – обрядная песнь и танец, когда с невестиного платья подружки срывают ленты. Танец заканчивается заявлением жениха, что остальные лепестки невинности сорвет он сам.

Мощь-трава – отвар из семи трав, дающий жениху силу и возможность оплодотворить невесту в первую же брачную ночь.

Лейрена – дневное светило.

Золотой вир, серебряный вир – местная валюта. В одном золотом – сто серебряных виров или тысяча *дивиров* – мелкой разменной монеты из меди.

Глава 2. Поросшее былъем

Меня зовут Милена. Я из древнего, но, увы, обнищавшего рода Мирудских. Я так и не сделалась Миленой Толл, хотя искренне произносила слова клятвы: быть верной, любить до смерти, почитать супруга своего. Из храмовой книги чудесным образом исчезла страница с записями священника, назвавшего меня женой, а Дикрея мужем. Король может все.

Дикрея я знала с детства. Босоногий мальчишка часто пробирался в усадьбу. Сначала его интересы ограничивались незрелыми яблоками, которые он ел с солью, потом лягушками в заброшенном пруду – их он надевал на соломинку и раздувал до невероятных размеров, потом пирогами кухарки Чесити, выставляемыми остыть под чистой тряпичей на широких подоконниках. Он хватал горячую булку со сливами или грушами, перебрасывая с руки на руку, бежал в сад, где, забравшись на дерево, тут же поедал. Чесити истерично кричала, а мне было смешно. Садовник белкой прыгал под деревом, пытаясь достать вороватого мальчишку граблями, но тот спокойно разделялся с лакомством, облизывал пальцы, а потом с особым усердием оплевывал старика Хора, что приводило того в дикое бешенство.

Мой первый поцелуй был с Дикреем. Пришло время, когда его перестали интересовать яблоки, лягушки и пироги. Объектом его охоты сделалась я. Я чуть не отдалась ему на сеновале в пятнадцать лет. Мы оба уже были нагими, моя грудь познала мужские губы, и стрелы удовольствия всю пронзали тела, когда нас застукал Гавар. Дикрей так и бежал через всю деревню голым, прикрываясь лишь пучком соломы. Говорят, после этого забега на него обратили внимание все незамужние (шепчут, что замужние тоже) женщины нашего местечка со странным названием «Дикий вепрь».

Вепри в близлежащих лесах отродясь не водились, сельчане не выращивали даже свиней, но волею моего пра-пра-прадеда, возжелавшего, чтобы изображение клыкастого зверя украшало парадный вход в особняк, владения Мирудских получили столь неблагозвучное имя.

Позже наши парни, руководимые лихим Дикреем и ввязывающиеся в драку с соседями по любому поводу, оправдали это название. Их так и стали называть: «дикие» или «вепри».

Отлученный от общения со мной – за распущенность меня посадили под домашний арест, Дикрей задался целью доказать всем и вся, что разлучить нас невозможно. Подвиги его звали. Наши слуги дено и ночно держали военную оборону. Неугомонного возлюбленного вылавливали и выкидывали за ворота, но он с проворством кошки вновь оказывался у моего окна. Целовал так, что болели губы, и под крики мстительного садовника карабкался на крышу.

Меня ругали, отчаявшись, поселили в одной со мной комнате кухарку Чесити, которой разрешили в случае чего огреть «любовников» черпаком, и даже поставили на окна решетки, но мы в первую же ночь целовались, прижав лица к грубым прутьям. И словам любви нисколько не мешал переливчатый храп горе-сторожихи. Хорошо, что решетки не позволяли большего.

Наконец, брату надоела игра в «держи вора», и он отправился на встречу с Толлом-старшим, где Дикрей получил ощутимый пинок в верном направлении.

– Хочешь Милену? Готовь выкуп. Я отдам ее тебе хоть завтра, если ты положишь на стол пять тысяч виров. Я выпихну ее замуж за любого, кто принесет указанную сумму.

Баснословные деньги. Но Гавар нуждался в них. Неумелыми займами отец разорил семью и, испытывая жгучую вину, оставил этот мир. Теперь все чаяния матери о возвращении к столичной жизни должен был осуществить брат. Старше меня на целых пятнадцать лет, Гавар не забыл блеска королевского двора, и жизнь в «Диком вепре» воспринимал как насмешку судьбы. Ни он, ни мама никогда не восторгались ни золотыми полями, ни изумрудными лесами, ни чистейшими водами реки Ласки. Они чувствовали лишь вонь болот, простирающихся к востоку от поместья. Ветер нечасто приносил удушливый запах, но маме хватало, чтобы на

целый день погрузиться в траур по несбывшимся мечтам. Наверное, отец не раз перевернулся в гробу, настолько желчны были проклятия в его адрес.

Я не помнила богатой жизни, только куклы, доставшиеся от бабушки, поражали мое детское воображение чудесными нарядами, искусно вырезанной мебелью и прочей чепухой, что интересна девочке до ее вхождения в пору расцвета.

Условие, поставленное братом, ввергло меня в слезы. Я не верила, что семнадцатилетний сын купца средней руки сможет заработать такие деньги. Меня корбило от осознания, что брат сделал меня товаром. Но в то же время в сердце теплилась надежда, что мы с Дикреем все-таки будем вместе.

Дикрей, обманув охрану и взломав запертые двери, пробрался ко мне ночью. Кухарку, позорно не справившуюся с поручением, еще вчера отправили восвояси. Опять были горячие поцелуи, слезы и желание отдаться – как гарантия того, что я всегда буду принадлежать только любимому. Он первый остановился, хотя мои ноги уже обхватили его бедра. Первый убрал руки от груди. Чтобы уйти от соблазна, набросил на меня простыню.

– Нет. Я все сделаю правильно. Я уже не тот мальчишка, пробирающийся в сад лишь для того, чтобы увидеть тебя, поразить очередной глупостью и услышать твой смех. Я принесу Гавару пять тысяч и только после этого сорву твою невинность.

Клятвы, клятвы, клятвы...

Я берегла себя для Дикрея. Даже когда из соседнего замка пожаловал лорд Кархаль, похоронивший четвертую жену и возжелавший вновь познать вкус молодого тела, я осталась верна клятвам и совершила самый ужасный поступок в своей жизни: сообщила через служанку местному разбойнику Гулю день, когда старик собирается везти Гавару шесть тысяч золотых виров. Мне уже семнадцать, и моя цена значительно выросла.

Надо ли говорить, что Кархаль не доехал до «Дикого вепря»? Нет, его самого не тронули. Но утрата половины состояния навсегда охладила пыл старика. Никаких молоденьких жен, да еще и такой ценой. Ему достало служанок, стоящих куда дешевле. Пара колечек, монета на новые башмаки – и она вся твоя.

За прошедшие годы дела брата пришли в еще больший упадок, и когда на стол легли пять тысяч монет, он отказал Дикрею: этого золота уже не хватило бы на переезд в столицу. Наклевывался новый жених, опять вдовец, но уже совсем не старый и пообещавший за меня десятку. Чтобы разбойник Гуль не прознал о сделке, ее держали в строжайшем секрете даже от меня.

Говорят, таинственный вельможа приезжал осмотреть «товар», и остался им доволен. Неверное, это случилось в тот самый день, когда мама перетряхнула все сундуки, и заставила меня прогуляться у цветника в одном из тех платьев, в которых она блистала в столице. Жесткий корсет, колючее кружево и одуряющий аромат травы, сберегающий ткань от моли. Я чувствовала себя столетней старухой, поэтому с удовольствием скинула бы орудие пытки прямо в саду. Было жарко, гудели мухи, противно пахла застоявшаяся вода в пруду.

Мне передали, что после отказа Дикрей страшно разозлился, а я впервые пожалела, что давней ночью не настояла и не отдалась любимому. Препятствия делают чувства острее. В восемнадцать я была уверена, что Толл моя единственная любовь на всю жизнь.

Брат потирал руки, что так легко отделался от сына купца, но на следующий день на стол легли двенадцать тысяч золотых монет.

– Этого достаточно?

Я не могла оторвать глаз от моего Дикрея. Он сделался настоящим мужчиной: крепкий, как дуб, что рос под окнами спальни, выющиеся волосы, густой гривой падающие на лоб и делающие мерцание черных глаз еще загадочнее, упрямо сложенные губы и утративший мягкость подбородок, на котором теперь топорщился не юношеский пушок, а настоящая щетина.

Как мне хотелось прикоснуться к той щетине щекой! Глупое желание, но все во мне хотело этого мужчину. Я даже сжала ноги, подстегивая приближающуюся волну наслаждения.

Эта тайна навсегда останется со мной. Теперь, когда выкуп выплачен, не будет нужды представлять, как мое тело покрывает поцелуями Дикрей, как находит пальцами жаждущий прикосновений бугорок, как потом входит в меня, а я кричу, кричу... Больше не придется сжимать губы, гася стоны, и самой воровато находить горошину удовольствия. Теперь только он, только его руки.

Все пошло не так. Судьба имеет обыкновение посмеяться над нашими мечтами.

Глава 3. Выбор

Движение кареты убаюкивало. Я забыла, что напротив меня сидит король, сама не одета, а покрывало, кое-как запахнутое на спине, сползает.

Мой сон был тревожен. Я видела, как тащусь по темному переходу, освещаемому трепещущим огнем свечи, под ногами хлюпает вода, а стены осклизлые, и дотрагиваться до них все равно, что прикасаться к дохлой рыбе. Пахнет гнилыми водорослями и морем. Неимоверная слабость заставляет передыхать, едва ли сделав тройку шагов, но детский плач зовет, и я иду, иду, иду. Только-только забрезжил свет, и я облегченно выдыхаю, что трудный участок пути позади, как на стены наползает тень, и тут же в узкий проход врывается яростная волна. Меня отрывает от земли и несет, словно щепку, попавшую в водоворот, увлекает в подземелье, ударяет о камни. Горько-соленая вода везде и спасения нет. Я кричу, но меня не слышат. Я сама себя уже не слышу, и последнее, что успевает выхватить сознание – это хоровод кружащихся вокруг меня жемчужин. Ярких, чистых, несущих в себе свет.

Проснувшись я от того, что меня тормозили за плечо. Закашлялась, будто действительно только что тонула: на губах даже чувствовался вкус соли.

– Вытри, у тебя кровь, – надо мной стоял король и протягивал носовой платок с монограммой «ТШ» – Таллен Третий. Я приложила приятно пахнущую ткань к носу и виновато подняла глаза.

– Тяжелая ночь, да? – спросил он, усаживаясь на место. Дернул бархатную ленту над головой, и карета послушно тронулась, а король вновь вернулся к равнодушному созерцанию видов за окном.

Я поднялась. Поправила покрывало на груди. Вытянула шею, чтобы посмотреть, далеко ли уехали от «Дикого вепря». Мы пересекали пустошь – унылые пейзажи с тронутыми первыми заморозками седыми травами. Уже кончились болота, где по осени поднимались на крыло утки, остались за спиной подернутые желтизной леса и убранные поля, улетала в прошлое моя тихая жизнь в «Диком вепре».

– Куда мы едем?

Король вздохнул, посмотрел на ногти одной руки, потом другой.

– Ненавижу ходить без перчаток, – произнес он, явно не намереваясь отвечать прямо. – Я забыл их в твоей спальне, поэтому вернулся сам. Не мог допустить, чтобы слуги застали тебя... такой. Но лучше бы послал их, – он перевел взгляд на меня, и не было в нем ни капли сочувствия. Лишь брезгливость, которая больно ранила сердце. – Мне не понравилось то, что я увидел. Это было по-скотски...

– Дикрей – мой муж, но... – я собиралась сказать, что не оправдываю его, и нет моей вины в том, что со мной ТАК обращались мужчины. Оба мужчины.

– Уже не муж. Храмовые записи уничтожены. Пока ты спала, вернулся человек, посланный уладить твои дела.

– Что теперь будет со мной? – и опять я не решилась сказать, что вовсе не по моей вине кому-то пришлось улаживать дела.

– Еще не решил. Сначала покажу тебя лекарю.

– А если у меня будет ребенок?

– Наихудший вариант. Я не приму его даже как своего бастарда.

– Но до этого вас не смущало, что я проведу последующие ночи с Дикреем...

– Тогда ты была замужем.

– А теперь? Кто я такая теперь? – в волнении я совершенно забыла, что передо мной самый могущественный человек королевства. Невысказанные слова рвались наружу.

– Теперь ты женщина, с которой король провел всего лишь одну ночь. Но поскольку твое тело успело познать другого мужчину, я ни за что не признаю ребенка, – Таллен Третий поморщился. Ему все больше и больше не нравился наш разговор. Мне в этот момент хотелось вцепиться в его холеное лицо. – Я не намерен всю жизнь сомневаться, мой он или того скота.

Я заплакала. От бессилия, от несправедливости. От обиды за еще нерожденное дитя.

– Прекрати, – он отвернулся к окну. – Думаешь, мне самому нравится, что я проявил минутную жалость, а теперь вынужден заниматься твоей судьбой?

Карета дернулась и остановилась.

– Что еще? – с досадой произнес Таллен.

За окном вырос всадник, больше похожий на медведя, чем на человека. Кустистые брови, борода лопатой и буравящий взгляд маленьких глаз. Он твердой рукой удерживал пляшущую в нетерпении лошадь.

– Ваше Величество, засада! – крикнул он. – Как вы и думали!

– Сколько их было? – король тронул позолоченную ручку двери, и та бесшумно распахнулась. Он не вышел из кареты, лишь слегка наклонился, чтобы его лицо не скрывала тень. Я впервые хорошо рассмотрела человека, сломавшего мне жизнь. Прямые волосы лежали на широких плечах, на тон темнее, почти черные брови и аккуратная бородка. С выраженной горбинкой нос и капризные чувственные губы – невероятно красные на бледном, не тронутом дневным светилем лице. И неожиданно светлые, как летнее небо, глаза. В предрассветной мгле, и позже, в сумраке кареты, они казались мне сродни грозовой туче. Короля нельзя было назвать писанным красавцем, но в нем чувствовалась магия власти. Таким хочется подчиняться и находить в этом болезненное удовольствие.

– Карету поджидали человек тридцать. В живых осталось не больше дюжины. Мы ее мужика не тронули, – бородач дернул головой в мою сторону, и я смутилась, что меня застали за разглядыванием короля.

– Где он? – Таллен был полностью поглощен разговором.

– Да тут, за поворотом. Они перевернули поперек дороги телегу. Так мы его к этой телеге и привязали. Лютый, гад. Парюту одним ударом кулака свалил.

– Жив?

– Жи-и-ив. Куда денется? – бородач усмехнулся в густые усы. – Полморды синей, на одно ухо оглох, но жив.

– Веди, – Таллен поднялся, подскочившие слуги опустили ступеньку. – Чего сидишь? – мазнул взглядом по мне. – Пошли. Судьба хочет, чтобы ты еще раз увиделась со своим...

Договаривать не стал, протянул руку.

Стыд сковал мое тело. Покрывало наброшенное на грудь совсем не скрывало того, что было сзади, а перевернуть его у всех на глазах я не решалась, поэтому замотала головой и отодвинулась в дальний угол.

Король опять вздохнул.

– Вокан, ты побрился бы что ли? С бородой на медведя-шатуну похож. Видишь, девушка тебя боится.

Бородач загоготал и, тронув коня, скрылся с глаз долой.

Таллен неторопливо расстегнул камзол и стянул с себя рубашку. Кинул мне на колени.

– Одевайся.

Сам, подхватив верхнюю одежду, скрылся за дверью.

Я суетливо освободилась от покрывала, натянула пожертвованную с королевского плеча вещь и, поднявшись, оправила ее. Ниже колена, но...

Дверь вновь распахнулась, впуслав холодный воздух и запах преющей травы.

Король, в накинутах на голый торс камзоле, изучающе посмотрел на мои босые ноги с подсохшими кровавыми подтеками.

– Вокан! Приведи моего коня.

Мне ни разу не приходилось сидеть в одном седле с мужчиной. Рука короля поперек моего тела напомнила о ночи, когда он так же прижимался ко мне. Несмотря на стылый ветер, я чувствовала, как загорелись щеки. Не знаю, думал ли о том же Таллен, но его ладонь чашей сомкнулась на моей груди, и пальцы ощутимо сжали сосок.

Его Величество не стал понукать коня, и мы доехали до поворота не торопясь.

Я не узнала Дикрея. Он не мог быть тем человеком, которого привязали к колесу: стянутые в высокий хвост волосы, угольно-черные полосы поперек лица, жилет из кожи, такие же штаны – он ничем не отличался от тех мертвых грабителей, кого стаскивали в одну большую кучу.

– Познакомься, Милена. Это Гуль.

Я поискала глазами знаменитого разбойника, но пальцы короля на моем подбородке повернули голову в нужную сторону.

– Дикрей?!

Мой любимый, мой жених, кому в храме, сказав «да», я вверила всю себя, оказался тем самым главарем, на которого король объявил охоту. И тут я поняла, что вовсе не из-за диких уток Таллен месил болотную жижу, иначе откуда вдруг взяться военному отряду? Он ловил Гуля, на счету которого не один разграбленный обоз, не одна загубленная душа. Какими же грязными оказались те деньги, что легли на стол в качестве выкупа за глупую невесту!

– Выбирай, – произнес король – его губы были у моего уха, – останешься с ним, и тогда я его не повешу, или отправишься со мной, но полностью подчинишься моей воле. Скажу умереть, умрешь.

– Я отказываюсь выбирать, – на раздумья хватило мгновения. – Никто на свете не заставит меня жить с убийцей, но и палачом ему я не стану.

– Думаешь, король не убийца? – даже голос Дикрея изменился. Дрожь пробрала меня до кончиков пальцев. – Спроси у него, сколько невинных погибло в огне, когда он загнал нас в Сабуры?

О пожаре, случившемся весной, когда за болотами выгорело пятнадцать дворов, не говорили разве что груднички.

– Я ничего не слышу, – я закрыла уши руками. Не знаю того человека, что привязан к колесу. Не знаю, а потому не верю.

Король развернул коня, довез до кареты.

– Ты можешь спасти его и вернуться домой. Я отпущу тебя.

– Вы освободите Дикрея?

Король отрицательно покачал головой.

– Его выбор невелик: виселица или пожизненная каторга. Говорят, ты любила его так сильно, что готова была ждать годы, пока он не соберет за тебя выкуп. Если захочешь, я разрешу тебе поехать с ним. На рудниках тоже живут. Живут, как умеют.

Я закрыла глаза. Ветер трепал волосы и кидал их в лицо.

– Вы уже знали, что Дикрей и есть тот самый разбойник Гуль, когда...

– Когда заявил о праве первой ночи? – король собрал с моего лица волосы, придержал, не давая ветру разметать их. – Нет, не знал. То решение было внезапным. Я даже не заметил, кто из сидящих за столом жених. Я видел лишь девушку в белом. Чистую, светлую...

– ... и намеренно испортили ее чистоту...

– Ты танцевала. И я возжелал тебя.

– Когда вы поняли, что он Гуль? – я опасалась ступить на скользкую тропу.

– Мои люди заметили, что твой брат расплачивался с поставщиками вина фальшивыми вирами – добыча Гуля из подосланного нами обоза. Достаточно было спросить, как золото попало к лорду Гавару.

– Выкуп за меня? – догадалась я. И здесь ложь.

– Мы никак не могли вычислить, кто прячется за личиной Гуля. Понимали, что местный: знает все ходы-выходы, знаком с торговым делом. Хитрый, подлец. За три года ни разу домой не наведалься.

– И вы беспомощную меня оставили в руках разбойника?

– Но я же вернулся?

– За перчатками.

– Вчера мы еще не догадывались, на чью свадьбу попали. Это выяснилось гораздо позже. Помнишь, я говорил, что отправил человека уладить твои дела? Я ждал его в условленном месте, и пока ты спала, мы успели побеседовать.

– И послали военный отряд...

– А что было делать? Ждать, когда разбойники нападут первыми? Дикрей кинулся в болота сразу, как только мы уехали. Мои люди его выследили и атаковали с тыла.

– Засада напоролась на засаду. А я оказалась в роли приманки.

– Нетрудно было догадаться, что месть погонит Дикрея за тобой. В усадьбе он не посмел бы открыть рот – крестьяне подняли бы разбойников на вилы. Никто не хочет повторения пожара в Сабурах. Но все произошло, как и ожидалось. Подлость – второе имя Гуля. Он намеревался напасть на карету, сопровождаемую горсткой охотников. Тридцать против семерых.

– И вы хотите, чтобы за таким мужчиной я пошла на каторгу?

– А как же любовь до смерти? Я читал клятвы, записанные на страницах храмовой книги, – Таллен похлопал по карману камзола.

– Моя любовь умерла еще там, в спальне, когда он меня насиловал, – я опустила глаза.

Король спрыгнул с коня, помог спуститься мне. Задержал в своих руках и медленно-медленно поцеловал. Его губы были холодными, как и пальцы, которыми он обхватил мое лицо.

– Ну, так как? Домой или со мной?

– Дома меня опять продадут, – ноги мерзли, и я топталась на цыпочках. – И неизвестно, кто достанется в женихи на этот раз: очередной разбойник или старикашка. А вас я более-менее знаю...

– И будешь довольствоваться ролью любовницы?

Король женат, и не мне, нищей дворянке, составлять конкуренцию королеве.

Я дотронулась рукой до живота. Таллен понял.

– Поживем – увидим, – сказал он и приглашающим жестом указал на открытую слугой дверь.

Я кивнула и полезла в карету. Поживем – увидим.

Глава 4. Драконий замок

Когда мы проезжали мимо места разгрома Гуля, телегу уже поставили на колеса и в нее грузили мертвецов. Причем страшной работой занимались не королевские воины, а оставшиеся в живых разбойники. Дикрея я больше не видела. Не сказать, что я стала к бывшему жениху равнодушна: любовь к нему сменили разочарование, обида и даже злость. Мне было жалко того вечно голодного, недосмотренного мальчишку, который воровал у Чесити пироги. Того вихрастого непоседу, вылавливающего в пруду головастика, или смешно передергивающегося, когда незрелое яблоко оказывалось очень уж кислым. Когда он превратился в головореза? Виноват ли в том мой брат, невольно толкнувший незрелого юношу на преступление? Или пренебрежение к чувствам людей жило в нем всегда? Вспомнить того же старика Хора или пытящую от переполняющей ее обиды кухарку, когда мальчишка не только своровал пироги, но еще и надкусил те, что не мог унести? Я ведь знала, что мама строго спросит с Чесити, и толстуха будет тайком вытирать слезы... Так почему я смеялась над шалостями Дикрея? Как я вообще в него влюбилась? Была бы я так увлечена сыном купца, если бы он оказался благовоспитанным юношей, носящим под мышкой увесистую книгу и говорящим заумные слова? Неужели дерзкие, отчаянные, напористые мужчины будут всегда привлекать нас, романтических барышень? Неужели мы сродни мотылькам, летящим в пламя?

Я закрыла лицо ладонями, вспомнив, как навела банду на несчастного вдовца Кархалю. Так смею ли я судить Дикрея?

Нет, я не ишу оправдания его поступкам, я пытаюсь понять прежде всего саму себя. Возврата к прошлому не будет. Дикрей – это боль, которая исчезнет не сразу, а возможно и никогда, если у меня родится дитя. Вольно или невольно я буду искать в ребенке черты того или другого мужчины.

Святая Далия! Поддержи свою неразумную рабу и защити!

Мы ехали весь день и всю ночь, останавливаясь лишь для того, чтобы размяться и наскоро перекусить. Почти не разговаривали. Я перебирала, словно надетые на нитку бусины, события, перевернувшие мое сознание, а король... Я не знаю, о чем он думал, но иногда ловила на себе изучающий взгляд, от которого хотелось спрятаться под покрывалом. Когда я укладывалась спать, благо сиденье было достаточно широким, король еще находился в карете, но наутро я его не нашла. И отряд наш значительно поредел: остались пара слуг и тот самый всадник-медведь.

Я подергала ручку двери, он грозно глянул из-под насупленных бровей.

– Мне бы под кустики, – произнесла я без надежды, что меня услышат через толстое стекло. Но Вокан понял.

– Потерпи. Совсем скоро выдадут тебе ночную вазу. С комфортом проведешь время, – он указал плеткой куда-то вверх, и я различила на фоне блеклого осеннего неба башни замка – он подобно орлу, распутившему крылья, восседал на блестящей от прошедшего дождя скале. Дорога шла в гору, и карета скрипела, как грубо сколоченная крестьянская телега. Конь Вокана всхрапывал и припадал на задние ноги. Устала, должно быть, лошадка. Еще бы, такого бугая везла на спине.

– Драконий замок! – произнес Вокан и счастливо рассмеялся. Конец пути.

Узкий мост над пропастью заставил вцепиться в сиденье. Казалось, какое-нибудь из колес непременно соскользнет, и я так и не увижу обещанную ночную вазу.

– Велица! Принимай! – зычно крикнул наш медведь и неожиданно легко соскочил с коня.

За спиной гроыхнула решетка, и поднявшийся мост надежно запечатал единственный выход из крепости. Во дворе, из-за небольшого размера больше похожем на колодец, не смогли бы разъехаться две кареты. Замок смотрелся так, будто древние каменщики выбрали скалу и

отсекли от нее все лишнее, но не пожалели времени на строительство внешней зубчатой стены да многочисленных башен, протыкающих шпилями низко плывущие облака. С барельефа над главным входом на нас глазел каменный змей. Его чешуйчатое тело вилось кольцами, раскрытая пасть являла раздвоенный язык, и все это устрашающее великолепие венчали два перепончатых крыла, весьма похожих на кузнечные меха, с помощью которых дядька Рокай раздувал пламя. Стоило мне покинуть карету, как дракон сосредоточил свой взгляд на мне, и, куда бы я ни отходила, не спускал с меня глаз. Жутко до озноба.

Но вскоре мне стало не до каменного изваяния: из распахнувшихся дверей вышла женщина, размеры которой ввели меня в трепет. Она была выше Вокана на целую голову и шире чуть ли не вдвое.

– Моя дракониха! – подкручивая ус, произнес бородач и озорно подмигнул мне, не скрывая лучшую гордость. Дракониха, мало отличающаяся размерами от своего каменного собрата, подплыла (иначе и не сказать) ближе и, обхватив лицо медведя пухлыми ладонями, смачно поцеловала. От моих глаз не скрылось, что Вокан тоже не упустил своего – с любовью огладил объемный зад подруги. То, что она ему не жена, угадывалось сразу, и последующее воркование подтвердило мои предположения.

– Скучала я, – выдохнула Велица, отпуская из своих лапищ медведя. – Не пропадай надолго, Вок, иначе однажды застанешь в моей постели Фурдика.

– Я ему все ноги переломаяю, – прошептал бородач, с жадностью оглядывая богатство, натянувшее лиф платья.

– Это кто же обо мне вспоминает? – во двор вышла еще одна примечательная личность. Худой как жердь, с лысиной, обрамленной тонкими, разлетающимися от легкого порыва ветра волосами, длиннорукий и длинноногий, несуразно богат одетый мужчина вышагивал важной цаплей. Сизый от холода нос неудачливого соперника соответствовал длине всего остального. – Никак Вокан пожаловал?

Фурдик изогнулся, чтобы посмотреть, кто прячется за спиной медведя, и, разглядев меня, укутанную в покрывало, но по-прежнему босую, присвистнул.

– Да никак он себе новую игрушку привез? Зря ты, Велица, его лобызала. Ему теперь другие размеры нравятся.

– Не смей ерничать! – Вокан поднял кулак с зажатой в нем плеткой. И уже более тихо, глядя в лицо нахмурившейся драконихе, пояснил. – Королевская она. Приказано осмотреть, помыть и в чувства привести.

– Как долго в чувства приводить? – подергал в нетерпении ножкой Фурдик.

– С месяц. Не меньше, – Вокан, пальцем подозревая соперника, басисто зашептал на ухо: – Он наверняка знать хочет, тяжелая она или нет.

– Неужели бастард? – деловито ощупал взглядом мою фигуру длинноносый. Я запахла покрывало поплотнее.

– В том то и дело. Не один он это поле пахал.

– Все! Хватит! – рявкнула дракониха. – Совсем стыд потеряли. Нет, чтобы девку в дом вести, до смерти решили ее здесь заморозить? Не видите, что ли, посинела уже вся!

Поверх покрывала лег такой же объемный плат, снятый с дородного плеча женщины.

– Мне бы обувь какую, – попросила я, семена за Велицей, – и... эту... ночную вазу.

– Изверги! – она перед входом обернулась и строго перевела взгляд с длинного на широкого и погрозила кулаком. – Небось гнал как безумный, о девке совсем не думал?

– Известно, о ком думал и куда гнал! – хихикнул Фурдик.

– А ты иди, руки мой! – скомандовала Велица. – Девку за тебя я осматривать буду?

– А-а-а кто он такой, чтобы меня осматривать? – я безуспешно пыталась догнать дракониху, ведущую меня по запутанным коридорам. С входом во дворец разрешилась одна из моих

проблем – всюду лежали ковры. Ни на ладонь свободного места. Ноги уже не мерзли, но ночная ваза оставалась крайне необходимой.

– Доктор. Лучший во всем королевстве. Он еще батюшку нашего короля лечил. Чтоб ему вольно жилось в небесных чертогах! – Велица сложила ладони лодочкой и прикоснулась пальцами к губам – жест поминания покойника.

Я вертела головой, рассматривая открывающиеся пространства: залы с рядами массивных колонн, поддерживающих тяжелый свод, внутренние сады с вьющимся занавесом плющом, водопады, льющие прямо по стенам и образующие у основания естественные лагуны. Чем дальше мы уходили вглубь скалы, тем теплее становился воздух, несмотря на открывающиеся в потолках круглые отверстия, через которые можно было видеть небо и кружащих в танце орлов. Архитектор Драконьего замка был большим затейником.

– Раз господин Фурдик лучший доктор, почему же он здесь, а не в столице?

Велица резко остановилась, и я врезалась в ее мягкий бок.

– Ты о том спрашивать не смей! Не твоего ума дело!

– Ай-яй-яй вам, тетушка Велица, – распахнулась одна из дверей, выходящих в небольшую залу, освещенную Лейреной через круглое отверстие в потолке, и перед нами предстала женщина необыкновенной красоты. Одета в бархат винного цвета, который выгодно оттенял румянец и сочность губ, она манерно обмахивалась кружевным веером. – Разве можно скрывать то, что новенькая узнает уже завтра? К чему все эти тайны, когда каждый из нас, – черно-волосая красавица, шумно сложив веер, ткнула им в Велицу, потом в доктора и Вокана, – находится здесь по прихоти королевы. Сразу поясню нашей гостье, почему мы удостоились столь пристального внимания. Начнем с великой кормилицы, – веер снова переключился к Велице и обрисовал ее могучую грудь. – Она возомнила себя матерью всех угнетенных и обездоленных...

– Король с моим молоком всосал...

– Ах, бросьте. Моя грудь тоже была у него во рту, и что?

– Молча смотреть, как Донна со своим братцем преданных Таллену людей по одному изничтожает? Вот скажи мне, где маршал Дудра? – дракониха отмахнулась от веера, чтобы тот не маячил у нее перед носом. – А ведь это он выиграл войну и папеньке Донны морду начистил. Благодаря Дудре золотоносные рудники нашими стали.

– Вот и сидите теперь в скалах, как курица на насесте, и кудахтайте в свое удовольствие.

– Из-за этих проклятых рудников пришлось змею во дворец впустить. Мировое соглашение, чтоб ему... – буркнул Вокан и сплюнул себе под ноги.

– А вы, капитан, околачиваетесь здесь из-за своей тупой песьей натуры. На женщин гавкать нехорошо, тем более на венценосных особ, они могут и хвост прищемить. Как она вам отомстила, а? Ваша жена с детьми при большом дворе, а вы здесь прозябаете. И почему-то ни один из домочадцев ехать с вами в ссылку не захотел.

Бородач нахмурился, но ничего не сказал.

– А вы, доктор Фурдик, хоть и считаетесь лучшим, с хитрой задачкой справиться так и не сумели.

– Я...

– Мало того, еще остальных ученых мужей убедили, что вина в отсутствии детей полностью лежит на королеве...

– С наукой не поспоришь! – истерично выкрикнул Фурдик, вздымая указательный палец в небо. – Никогда в яде не распустится цветок, сколько над ним ни колдуй! Ему чистая вода нужна! А потом, вам ли не знать, что Таллен способен иметь детей...

Фурдик прикусил язык. Наступившая после криков тишина легла на наши плечи тяжелым пологом.

Леди Шер медленно провела ладонью по голове, где и без того волосок лежал к волоску. И показалось мне, что этой женщине без единого проблеска седины гораздо больше лет, чем видится. Может быть даже больше, чем рыхлой Велице.

– А я здесь почему? – спросила я и на всякий случай спряталась за драконицу, поскольку воздух от напряжения потрескивал.

– А ты, деточка, очередная утех. Миленькая, простенькая, наивная. Вся такая беленькая. То, чего королю не хватает при большом дворе.

Ее привычная язвительность заставила всех выдохнуть. Гроза миновала.

– А как вы с Талленом познакомились? – леди Шер подошла ближе, заставив посторониться хмурую Велицу. Двумя пальцами приподняла мою нечесаную косу.

Я не собиралась распахивать душу, поэтому сказала то, что мог подтвердить Вокан:

– Я была приманкой при поимке разбойника Гуля.

– Видите, нашему королю не сидится в столице. Сам рыщет по лесам и болотам, лишь бы быть подальше от своей женушки.

– Леди Шер, я бы на вашем месте прикусил язычок, – Фурдик нервно подергал ногой. – Что-то вы разошлись. И у стен бывают уши.

– И что королева сделает со мной? Сошлет? Уже дальше, кажется, падать некуда, – леди развела руками, показывая, что не по своей воле оказалась в столь разношерстной компании. – А ты, милочка, не обольщайся, – это опять предназначалось мне. – Месяц-другой, и наскучишь королю.

– И что тогда со мной будет? – от других я вряд ли дождалась бы прямого ответа.

– По-разному случается. Одну, помнится, Его Величество отправили в монастырь, двух других, лишь бы больше не видеть, в дальние гарнизоны...

– Шлюхами? – вырвалось у меня. У медведя дернулся глаз.

– Зачем? Там своих доступных женщин хватает. Не переживай, милочка, король подберет тебе партию из офицеров, и будешь тихо служить со своим супругом.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнула я. Леди Шер определенно хотела укусить меня, унижить. – Тут выбор гораздо богаче: монастырь, офицеры. Мне пока предлагали только каторгу. А вы тоже были у короля кормилицей?

Фурдик не выдержал, прыснул.

– Молчите, Фурдик. Фу! – леди Шер стукнула доктора по плечу веером и, резко развернувшись, удалилась в свою комнату.

– Что я такого сказала? – я дернула Велицу, сверлящую взглядом доктора, за рукав.

– Ты ее рану ножичком поковыряла, – доктор доверительно обнял меня за плечи. – Наша Шер – самая первая любовница короля. Ему матушка сама выбрала фрейлину в учителя. Негоже, мол, принцу где-то на стороне науку обольщения познавать. Вот и бесится теперь. Года не остановить, а фаворитки у Таллена все моложе и моложе.

Получив от Велицы ощутимый удар по спине, доктор тяжело вздохнул.

– Заговорился я с вами. Пойду руки мыть. А ты пока мочевой пузырь освободи.

Глава 5. Безумие

– Не подскажите, а где тут у вас ночная ваза? Мы скоро до нее дойдем? – мне уже было все равно, осудят меня за неприличный вопрос или нет. – Мне капитан Вокан еще в дороге обещал.

– Пришли уже! – погромев ключами, дракониha распахнула соседнюю дверь. Что меня поразило сразу – огромное, занимающее полкомнаты, ложе. М-да.

– Горшок там! – тетушка Велица ткнула пальцем под кровать. – Выносить туда! – она указала на окно.

– Но как?! Прямо за окно?!

– Открыла, выплеснула, закрыла. Ничего сложного. Тут тебе не царские хоромы. И слуг кроме кухарки и ее сына никаких нет. Даже король в Драконьей крепости сам за собой ухаживает. Иногда.

Я не стала дожидаться окончания речи. Сил уже никаких не было. Полезла под кровать и, сбросив покрывало и платок, задрала королевскую рубашку и уселась на горшок.

– Снимай с себя все, купаться будем. Сейчас Вокан воды горячей принесет. Заодно отогреешься.

При этих словах я натянула рубаху на голые колени.

– Да не войдет он сюда. За изголовьем кровати дверца есть, а там лохань на четырех ножках. Слышишь, ведрами гремят?

– Какая же ты тощенькая, – всплеснула руками Велица, когда я осталась совершенно обнаженной. Меня трясло от холода, а она не спешила, ходила кругами. – Сисечек вовсе нет, попу одной ладонью прикрыть можно. А это у тебя что за пятнышко? Родинка? Смотри-ка, меченая, значит.

От пристального внимания я вся скукожилась, закрыла грудь руками.

– Ты не стесняйся, откройся. Мы с доктором должны увидеть, нет ли в тебе какого изъяна.

– Если вас послушать, то я один сплошной изъян...

– Тю-ю-ю! Обиделась? Худой назвала? Так то поправимо. Думаешь, я сразу коровой родилась? Тоже, помнится, на плече легко несли, не обделались. Так что не стесняйся, руки разведи. Не к сапожнику в постель ложиться собираешься. К королю.

– Я уже лежала с ним в постели.

– А почему Вокан говорит, что твое поле двое пахали?

– Я замужем тогда была...

– О как! И Таллен тебя от мужа увез? Чем же ты его взяла?

– Жалостью.

Вода оказалась горячей, и я быстро разомлела. Закрыв глаза, полностью отдалась воле хозяйки Драконьего замка и просто наслаждалась процессом купания.

– Вот верно я говорю, что с моим молоком Таллену человеческие качества передались. Жалость, сострадание, – вернулась к разговору тетушка Велица, выбирая из набора гребень с редкими зубьями. С сомнением посмотрела на мои спутавшиеся после мытья волосы, вздохнула и налила в ладонь пахучего масла. Я сидела на стуле вся чистая и хрустящая и отчаянно боролась со сном. – Иначе был бы как его отец. Вот уж где настоящий зверь. Прости меня, святой Симор! О покойниках хорошо или никак.

– А сколько Таллену лет?

– Ну, мне сорок пять, ему, значит, двадцать семь. Хорошенький такой родился. Я тогда своего сыночка потеряла, а молока хоть задушишь. Вот и пристроили меня к принцу. Коро-

лева-то болела все время. Таллену девятнадцать стукнуло, когда она умерла. Где-то через год эту принцессу из Гайрода прислали, Донну. А у него в самом разгаре любовь с леди Шер. Мда. И ведь в матери ему годилась, а как приворожила. Ее старый король сюда приказом услал, чтобы молодым слюбиться не мешала. Но ничего у Таллена с женой не получилось. Она ему чужая, он ей. Донна его в спальне ждет, злится, а он у какой-нибудь из фрейлин в кровати засыпает. Откуда ребеночку взяться? Пришлось дело на государственном уровне решать. Теперь повитухи подгадывают, в какой день Донна забеременеть может, и наш мальчик, хоть умри, но должен свои обязательства выполнить. Иначе война. Вот и сейчас во дворец ускакал. Может, в этот раз получится?

– Много у короля бастардов?

– На моей памяти ни один не родился. Прежде же как было: с кем Таллен спит, та женщина настойку из гиблых трав пьет. Фурдик варил. И здесь варит. Иначе голова с плеч. Руки у королевы длинные. Как так? У нее дитя нет, а у какой-то... прости, милая... здесь волосы в узелок завязались. Ну чистое золото, а не волосы!

– Я ромашкой их полоскала, – я почти заснула, поэтому уже не соображала, что говорю. – А мне Таллен денег на бастарда дал. Но потом мой муж на меня права заявил. Теперь я не знаю, если ребенок родится, то чей он будет: мужа или короля.

– Эх, милая. Не родится у тебя ребеночек. Ты после купания воды из кувшина пила? Пила. Фурдик свое дело знает. Он королю мучиться сомнениями не даст. Его ли – чужой, теперь нет никакой разницы. Через неделю у тебя очередники придут.

– Так что получается? – у меня затряслись губы. Горячая слеза скатилась по щеке и упала на грудь. Сон мгновенно улетучился. – У меня теперь детей не будет?

Нас, женщин, не поймешь. То не хотела ребенка, боясь, что он от разбойника Гуля, а теперь, когда сказали, что не родится, будто живого потеряла.

Велица покачала головой.

– Не допустят. Посмотри на леди Шер. Уж как они любили друг друга! Могла бы родить, но не позволили. А потом уже поздно было. А то, что у тебя дома вышло – так это чистый случай. Не было никогда такого, чтобы Таллен права на первую ночь заявлял да с незнакомыми и непроверенными в кровать ложился. Наверняка корит себя за ошибку.

– А если бы я осталась с мужем и родила?

– Таллен никогда не признал бы дитя своим. Это все равно что приговорить тебя к смерти. Сгинула бы вместе с ребеночком, даже если бы он на мужа твоего походил. Потому и деньги давал, не намереваясь больше появляться. Понесла – не понесла, интересоваться не стал бы.

Вошедший Фурдик оборвал беседу.

Осматривал меня на кровати.

– Так. Раздвинь ноги. Еще. Не зажимайся.

Пальцы его были холодными, а глаза внимательными.

– Так больно? Нет? А так?

– Чуть-чуть. Ой!

– Ну что же...

Мне позволили укрыться. Я смотрела на доктора, как на судью, собирающегося объявлять приговор.

– Нужен половой покой.

– Что со мной?

– Иносказательно – твое поле слишком глубоко вспахали. Я не знаю, кто из пахарей перестарался, но теперь требуется воздержание.

– И это хорошо, доктор. Мне нравится слово «воздержание». После всего, что я испытала и услышала, это мое любимое слово, – я повернулась на бок, положила ладонь под щеку и закрыла глаза.

– Бедное дитя, – вздохнул доктор Фурдик. – Она не познала радость совокупления, и теперь самое прекрасное, что может быть между мужчиной и женщиной, ей кажется страшным. Переживший изнасилование на уровне подсознания отторгает...

– Откуда ты знаешь про насилие? – оборвала Велица заумные речи.

– Вокан рассказал. Это он насильника из рук Таллена принял и во двор выволок. А перчатки так и забыли.

– Какие перчатки?

– Его деда.

– Ох, ты ж! Как теперь без них охотиться?

– Ничего, у нашего Таллена и без магии рука не дрогнет.

Первая неделя жизни в Драконьем замке прошла как один сплошной сон. Мой разум все-таки не выдержал испытаний и ввел меня в состояние, граничащее с сумасшествием.

Иногда я плакала и просила отвезти меня к маме, хотя помнила, что она никогда не была особо ласкова: для нее сын – свет в оконце, а я родилась ее раздражать. Поздний ребенок, получившийся случайно, да еще в тот год, когда освободилось место фрейлины при королеве-матери. Леди Дарице Мирудской блистать бы на балах и устраивать судьбу сына, вошедшего в возраст, когда старшие присматриваются к молодой поросли и намечают, кого взять в государственное услужение, а кого сразу в женихи подрастающим дочерям, а тут перетянутая грудь («Кормить самой? Как можно?!») и вечно орущий младенец.

Иногда я смеялась и с воодушевлением рассказывала удрученно качающей головой Велице, как ловко сбегала от подслеповатого учителя точных наук, сажая вместо себя внука садовника, переодетого в мое платье. Зато сейчас парень – правая рука лорда Кархеля. Науки пошли ему впрок, и ни один дивир в большом хозяйстве соседа не тратится без пользы.

Но чаще я впадала в отчаяние и металась из угла в угол, не понимая, как жить дальше. Что делать при встрече с королем: подчиниться или противиться? Благодарить или окатить ненавистью? Мысленные рассуждения о том, что принесла ночь с ним – вред или благо, выматывали.

«Вред!» – говорила я себе. Поступок короля воспринимался мною как узаконенное насилие. Страшно, когда право первой ночи касается именно тебя, а я ведь не первая и не последняя, кто прошел через подобное унижение. Брат тоже не пропускал крестьянские свадьбы, и я не раз видела, как он зажимал приглянувшуюся «простушку», даже если на ней был плат замужней женщины. А ведь он господин, и кто может поручиться, что в какой-нибудь семье вассалов не растет белобрысый малыш, похожий на главу рода Мирудских?

«Благо!» – кричал мой мозг, стоило вспомнить, что ночь с Талленом спасла меня от замужества с человеком, оказавшимся разбойником.

Я боялась возвращения короля и ждала его.

Однажды посетила мысль сбежать. Но куда? Назад к брату? Чтобы вновь оказаться проданной? Если даже король заплатил за меня сполна, то вряд ли «опозоренной» дочери отыщется местечко в столичной жизни семьи Мирудских.

А может, устроиться в какой-нибудь богатый дом учительницей? Там и кров, и еда, и возможность в праздничный день выходить в город. Но какой из меня светоч науки, если сначала я не хотела учиться, а потом брат сократил деньги на мое образование? Сносно играю на буюаре*, получают неплохие акварели... Отлично танцую, вышиваю, плету кружева. Я представила, как зазываю на городской площади, перекрикивая торговков с корзинами пирожков: «А кому кружева на платье! Купите, таких даже у королевы нет!».

– Ты чего рыдаешь?

Я убрала руки с лица, мои плечи тряслись от смеха.

– Я не рыдаю, я смеюсь. Представила, что торгую на ярмарке кружевами.

– Зачем тебе это? – не поняла Велица.

– Уйти отсюда хочу. Жить вольной жизнью. Быть самой себе хозяйкой.

– Одной женщине жить не можно. Без семьи никак. Вмиг хозяин найдется. И будешь ты не кружевами торговать, а телом, – Велица села рядом со мной, обняла. – Скажи, что тебя тревожит? Открой душу.

– Маюсь я. Кто я? Любовница? Любовница любить должна, а во мне нет этой любви. Все выжжено здесь, – я постучала ладонью по груди. – А без любви, как ни крути, одно насилие. И зачем я королю такая?

– Сама не понимаю, зачем ты ему. Таллен всегда статных и высоких любил. Чтобы волосы как вороново крыло, чтобы губы алые, а взгляд дерзкий, чтобы бабская сила чувствовалась...

– Выбирал таких как леди Шер?

– Таких. А ты... – Велица прикрыла пальцами рот и оглянулась на дверь. Понижила голос. – А ты как Донна, когда она только во дворце появилась. Тоненькая, робкая, неумелая. Очи вниз, молитвенник в руках, голос дрожит.

Дракониха немного отстранилась, глаза прищурила.

– Да и похожи вы, словно сестры: волосы светлые, глаза карие, грудь... можно сказать и нет вовсе. В тебе все то, что Таллен в жене ненавидит, а потому никак не пойму, что за чувства он к тебе испытывает.

– Жалость.

– На жалости долго не продержишься.

– Что же мне делать? Куда себя деть?

– А что бы ты сейчас дома делала?

– Ну... – я задумалась. – В саду погуляла бы. Помогла кухарке Чесити месить тесто. Вы не смотрите, что руки у меня тонкие, я сильная: тесто получалось гладким, без комочков. Пошла бы на реку Ласку закат рисовать. Места у нас красивые, а осенью так вообще... Вечером взяла бы в руки коклюшки. Плетение кружев успокаивает и мысли на мирный лад настраивает. И глаз радуется созданной руками красоте.

– А почему бы тебе всем этим здесь не заняться? У нас и пироги пекут, и закаты такие, что душа от счастья заходится. А приедет король, там уж и решать будешь: бревном лежать или удовольствие получать. И без любви можно звезды увидеть, нужно только захотеть. Или представить кого другого на месте короля, – последние слова Велица произнесла шепотом и со значением покивала. – У меня с мужем так случалось. Думаешь, только богачей неволят? Я с кузнецом любовь крутила. Ох, и сильный мужик был! Это он меня на плече носил на сеновал. Легко по лестнице поднимался, а потом целовал сладко, – глаза Велицы лучились, смотрела она куда-то вдаль, где, должно быть, видела сеновал и улыбку любимого. – А родители сосватали за отца сотоварища. За долги, можно сказать, отдали. Дом большой, жена, рожая пятого, померла. Очень уж Забиле женская рука в хозяйстве нужна была. А тут я, лошадь. Так вот когда я под него ложилась, все кузнеца своего вспоминала. Будто это не муж меня таранит, а он, Павушка. Дело даже криками заканчивалось, так мне сладко в моих фантазиях жилось. Еще, кричала, еще! М-да...

Наутро пришли очередники. И все в моей душе успокоилось. Нет, я не смирилась, что придется выполнять договоренность «Если скажу умереть, умрешь», но и отчаяние отпустило. Что король сказал на прощание? Поживем – увидим? Вот и поживем.

Сноска:

Бюдар – клавишный музыкальный инструмент.

Глава 6. Тайны старой крепости

Обедали мы все вместе. Кухарка накрывала стол в одной из зал, где успокаивающе журчала вода, делая стену, по которой струилась, зеркальной. При хорошем освещении можно было увидеть отражение всей нашей компании. И чудилось мне, что живем мы под водой: доктор Фурдик в его поблескивающем драгоценностями зеленом камзоле – несуразный морской конек, Вокан – не любящий излишеств скат, Велица – огромная черепаха (платок из грубого сукна топорщился на плечах и как никогда походил на панцирь), леди Шер в черном платье с ослепительно белым воротником – акула, а я, конечно, русалка: никто не заставлял меня плести косы, и я, пользуясь временной свободой, ходила простоволосая.

В имении «Дикий вепрь» сохранилась книга деда «О море-океане», и я с удовольствием разглядывала водящихся в соленой воде существ. Были на тех картинках страшные твари с восьмью ногами, одним движением разламывающие корабли пополам, были и цари подводные, вооруженные грозными вилами. Я запомнила рисунок, на котором морской владыка страстно целует деву-рыбу. И сейчас, сидя между скатом и черепахой, я никак не могла выбрать, какую же роль отвести Таллену: твари с восьмью ногами, уничтожающей всех и вся, или царя-сладострастца.

– О чем задумалась, красавица? – спросил меня морской конек, отставив бокал с вином.

– Никак не пойму, зачем в потолках дыры? Разве зимой из-за них не холодно?

– Нет, не холодно, – леди Шер отложила вилку. Промокнув салфеткой губы, продолжила: – Наш замок горячими водами обогревается, и заделай мы все эти дыры, сварились бы как рыба в ухе.

– Да, – подтвердил Вокан, – зимой, если на замок со стороны посмотреть, кажется, что он дышит. Будто огромный великан из ноздрей пар выдувает.

– Я однажды спускалась в подземные переходы, так едва не задохнулась от жара, – Велица собрала хлебом соус с тарелки, на что леди Шер поморщилась.

– Это когда та дерзкая девка пропала?

– Что за девка? – оживилась я.

– И вот надо тебе рот открывать? – дракониха посмотрела на леди Шер сурово. – Ушла она и точка! Я сама видела, как по тропе спускалась. Мы потом серебряных ложек не досчитались.

– А мне так не кажется. Зачем служанке место, где сладко кормят, терять? Да еще зимой, когда в деревнях голодно. А ложки и не пропадали вовсе. Их год спустя на старой кухне нашли – Зуйка от усердной чистки всю позолоту с гербов сдернула. Вот и спрятала там, чтобы ты ее за косы не оттаскала.

– А я где была? Почему не знаю, что ложки нашлись?

– Ты сестру свою навещала, – Вокан звучно рыгнул и, взяв щепку, принялся ковырять в зубах.

– Фу! Капитан! – веер затрепетал с особым усердием.

– Вкусно было, – ничуть не смущаясь, произнес Вокан. – Как не дать желудку радость высказать?

– А все-таки, куда могла служанка деться? – я не стала обращать внимание на гневное сопение черепахи. Я точно знала, акула только из вредности все выложит. А мне надо на ус намотать, что не так в Драконьем замке спокойно, как кажется. Ведь Велица явно чего-то не договаривает.

– Я просто уверена, что Зуйка нашла свою погибель в нашей крепости. Слишком уж она любопытная была. То под моей дверью подслушивала, то у королевской затаивалась. Наверняка какой-нибудь секрет выведала, за что и поплатилась. Если Зуйка ушла, то с чего бы тебе,

Велица, ее в подземелье искать? Молчишь? А я тебе скажу: единственное место, где служанка могла сгинуть – кипящие ключи. И косточек не нашли бы. Что, собственно, и случилось.

– Еще со смотровой башни можно упасть, – Вокан расправил плечи и потянулся, прогоняя послеобеденную дрему.

– На скалах неделю пролежала бы, пока птицы не растащили, – доктор ослабил шейный платок. Блеснули многочисленные перстни на пальцах.

– Для этого ее в укромное место загнать надо было бы. Какой дурак в подземелье спустится или на башню полезет, откуда выхода нет? – Велица потянулась за яблоком.

– Страх и не туда погонит, – Вокан постучал по бороде, стряхивая с нее крошки. – Я помню, какая она в последние дни пугливая была. Мышь пискнет, а Зуйка за сердце хватается.

– Фу! Я бы тоже схватилась, – леди Шер передернуло. – Ненавижу грызунов.

– Я правильно поняла: убийца среди нас? – вот же жуть. Человек пропал, а они об этом так спокойно говорят, будто скучный роман обсуждают.

Четыре пары глаз в полной тишине оторопело уставились на меня.

– Ну, не стражников же Зуйка боялась? И не кухаркины секреты ее до смерти довели?

– Начнем с того, что той зимой в крепости гораздо больше народу проживало, – Фурдик поправил кружева на манжетах. – Охотников было только с дюжину. Людей из деревни в помощь слугам пригласили, поскольку король с собой друзей привез...

– И двух фавориток, – леди Шер обиженно поджала губы.

– Сразу двух? – теперь оторопело уставилась я.

– А что тебя смущает, милочка? И не шикай на меня, Велица. Пусть девочка знает, какие у нашего малого двора нравы.

– Тебе ли о нравах говорить? – отмахнулась Велица, откусывая яблоко. Сок брызнул в разные стороны. – И потом, – прошамкала она, – никто из нас не видел, чтобы обе в королевской спальне ночевали!

– А ты свечу держала?

– Он с ними в водоеме западного крыла плескался. Все трое были нагими, – Фурдик следом за Воканом зевнул. Прикрыл рот ладонью. – Я туда кувшин с отваром носил.

– А королю кое-какие капельки? – огрызок полетел на тарелку. Велица рукой вытерла губы.

– Это твоему Вокану капельки нужны, а король в постели без них обходится. Здоровья хватает. Вон, Милену спросите, она, должно быть, знает.

Итог: всего лишь один обед в компании домочадцев принес сразу два волнующих известия: наш король – сладострастец, и в замке лучше ничего не видеть и не слышать, иначе можно нечаянно свариться в кипящих ключах или ласточкой полететь на скалы.

– Ты бы, когда на башню забираешься, шаль на плечи набрасывала, – Велица перетряхивала наряды, которые остались от таких же «фавориток» как я. – Неровен час, простынешь.

Дракониха сидела перед огромным сундуком и возилась в куче вываленного на пол тряпья.

– Это вот подойти должно, – она покрутила перед моим носом платье неприятного коричневого цвета. Я отвлеклась от вышивки и отрицательно помотала головой. – С него ворот кто-то спорол, помню, речным жемчугом украшен был. Не хочешь, нет? А жаль, чистая шерсть.

Велица приложила платье к своей груди и печально вздохнула. В него разве что поместилась бы ее рука.

– Я уверена, Таллен привезет с собой наряды для тебя. Небось, шьют их день и ночь, торопятся.

– Мне пока его рубашек хватает, – и это было правдой. Найденную в гардеробе бархатную юбку я выстирала и подшила по росту сама, а вот с тем, с чем следовало ее носить, была беда. Не зря Велица говорила, что все любовницы короля высокие и статные – какую бы блузу я ни примерила, везде вырез заканчивался в районе пупа. Поэтому я отправилась в покои государя и там выбрала пару рубах. Они тоже не отличались маленькими размерами, но ворот хотя бы застегивался на шее, а не под грудью. Широкий шелковый шарф, намотанный на талию и завязанный на спине бантом, примирял обе части наряда, и даже вызвал у леди Шер интерес. Она так воодушевилась яркой деталью, которая может освежить ее гардероб, что расщедрилась и подарила мне туфли без задника. «Совсем новые, ни разу не надеванные. Не то, что это ничтожество, выданное старой курицей».

Я с сожалением сняла нечто похожее на обрезанные сапожки. Пусть и были они без каблука и вряд ли делали ногу изящнее, в них я могла быть уверена, что не свергнусь со смотровой башни, куда ходила подышать вольным воздухом и насладиться открывающимся видом: с одной стороны – грозные скалы, с другой – море, меняющее цвет в зависимости от времени дня. Рассветы и закаты здесь действительно были потрясающими – так и просились на полотно, и доктор, частенько навещающий в столицу для пополнения лекарственных запасов, пообещал привезти новые кисти и краски. А пока я рисовала теми, какие нашла в кладовой запасливой Велицы.

Однажды Фурдик пришел в башню следом за мной. Вдохнул полной грудью, радостно мне улыбнулся, потом подошел к бордюру и опасливо посмотрел вниз, где прямо под ногами бесновалось море.

– Не хотел бы я встретиться тут с моим врагом.

– У вас есть враг? – я пополоскала кисть в бокале с водой.

– А как же! У каждого из нас есть враги, желающие нам смерти. Разве не так?

Я задумалась. Кто мой враг?

До встречи с королем я твердо ответила бы, что у меня нет недругов. А теперь? Стал ли Дикрей мне врагом? Что было бы, если бы он вырвался на свободу? Опять спрятался бы на болтах или ищейкой, жаждущей крови, кинулся по моим следам? Я передернула плечами – уж слишком яркая картинка нарисовалась в моем воображении: я с башни лечу головой вниз, и волны с радостью принимают подношение.

– Жутко, да?

– Вы о чем? – вынырнула я из своих дум.

– Вон те следы дракона. Я думал, ты их сразу заметишь, – доктор Фурдик показывал на соседнюю башню. Была она приземистой и гораздо шире той, на которой мы стояли. Если у нас над головами под порывами ветра гроыхало железо, то крыша соседки была каменной и испещренной глубокими бороздами.

– Разве эти канавки не водосток?

– Нет. Эти царапины оставил дракон. Ветер и море сгладили их, но можете себе представить, каких размеров и мощи был тот ящер.

Я представила. Воображение художника не нуждается в полотне. Я видела, как разъяренный ящер рвет когтями каменное строение. Иначе зачем ему портить то, что построили на века?

– Хорошо, что драконов больше нет. Я слышала, кое-где еще остались виверны, но ни разу их не видела. Я, наверное, была бы потрясена.

– Скажи, а чем, по-твоему, дракон отличается от виверны?

Я подняла глаза в небо. Мне встречались геральдические щиты, на которых извивался крылатый ящер, но вот как отличить, виверна это или дракон? Может быть, один величиной с лошадь, а второй, оставивший такие жуткие следы, гораздо больше?

– А над входом в замок кто изображен?

– Дракон, – уверенно ответил Фурдик.

– А почему вы решили, что это он, а не виверна?

– Потому что виверна не умеет говорить. Она тварь, рожденная служить. А дракон – существо мыслящее, могущее править миром. Когда-то так и было. На престоле сидел король-дракон, а не король-человек.

– И тот каменный ящер над входом вам так и сказал: «Я дракон, а не виверна!», да? – я рассмеялась. Я люблю слушать байки, но кто же в них верит? Может, и жили когда-то драконы, но вряд ли они могли произнести что-нибудь членораздельное.

– Все не так просто. И началось все с проступка короля драконов, разгневавшего старых богов.

Глава 7. Большая волна

– Наш кузнец тоже мастак рассказывать страшные сказки, – я полюбовалась на свой рисунок. Повешу в комнате. Надо будет сына кухарки попросить, чтобы выстругал четыре дощечки. – Мы смотрели на огонь в горниле и замирали от ужаса.

– Девочка, а что ты знаешь о Большой волне? – Фурдик смахнул со скамеечки мои кисти, сел на нее и вытянул длинные ноги. Я как-то не подумала, что подъем на такую высоту дался доктору с трудом. Ветер трепал жидкие волосы и некрасиво оголял череп, покрытый старческими пятнами.

Я опять возвела глаза к небу. Внук садовника наверняка рассказал бы о жутком природном явлении, называемым «Большой волной», гораздо больше, но всплывающие в памяти картинки из учебника помогли не выглядеть круглой душой.

– Раз в сколько-то лет в небе появляется второе ночное светило, которое своей магией вызывает огромную волну, сметающую все на своем пути. Но, слава богам, Большая волна появляется только на юге нашего королевства, поэтому волноваться не о чем.

– Деточка, а припомни, пожалуйста, карту нашего королевства, – Фурдик поднял на меня выцветшие глаза.

– Я никак не пойму, как Большая волна связана с тем, что над входом в наш замок изображен дракон, который вполне может оказаться виверной? – я не хотела признаваться, что карту видела лишь однажды и то, когда мастерила из нее летучего змея.

– Как? А так. Дело в том, милое дитя, что если бы ты посмотрела на карту, то заметила бы, что море омывает Дамарию только с юга, а значит...

– А значит, здесь в любой момент может подняться Большая волна?! – я схватилась за стену, как будто прямо сейчас меня смоем.

– Ну, не в любой, а лишь когда Селлар* встанет рядом с Кархом*.

Я развернулась всем телом на восток. Смеркалось, и Карх уже должен был появиться на горизонте. Ах, какое же я испытала облегчение, когда не обнаружила рядом с нашим постоянным ночным светилом его грозного собрата.

– Когда? Когда к нам приблизится Селлар? – я вспомнила, как с крыши храмовой колокольни глазела на серебристый огромный шар, рядом с которым привычный Карх смотрелся безобидной оладьей.

– Через год.

– И мы все потонем? – воображение услужливо подсуло видение, как через эти проклятые дыры в потолке врываются потоки воды и смывают все на своем пути: мебель, ковры, людей...

– Нет. Не потонем. Я уже несколько раз пережил Большую волну. И уезжать не пришлось. А предупредил о ее появлении тот самый дракон над входом. Ты же помнишь, что Селлар несет в себе мощную магию? Она и заставляет каменного дракона прошипеть фразу, которую никогда не произнесла бы виверна.

– Спасайтесь кто может?

– Король велик!

– Очень странное предупреждение.

– Ты сейчас находишься в замке, некогда построенном драконами. Да-да, они существовали. И те самые дыры, что тебя так смущают, не что иное, как выходы: ящерам незачем пользоваться дверями. С любого места в крепости они могли взмыть в небо.

– И за что на короля рассердились боги? – я уже по-другому смотрела на окружающие меня строения. На плоских крышах старые драконы вполне могли греть косточки, а молодые с разбега нырять в море. Но какая же прорва еды должна быть для них приготовлена! Неуди-

вительно, что по дороге в замок я видела просторные пастбища. Наверняка они остались еще с тех времен, когда дракон съедал за один присест целого быка. Интересно, а когда ящер превращался в человека, у него не возникала одышка из-за переедания?

– Его наказали за какой-то неблагоприятный поступок. Я подозреваю, что за неумеренную гордыню, которая слышится даже в словах «Король велик!». Они наслали на Дамарию (и заметь, только на Дамарию) Большую волну, которая стала возвращаться вновь и вновь и смывать построенные драконами селения. Король драконов долго не мог найти способа уберечь свои земли от разрушительного нашествия воды, но однажды ему принесли несколько жемчужин, найденных на обмелевшем перед Большой волной морском дне. Если тебя хорошо учили, ты должна знать, что перед тем, как море обрушит гигантскую волну, оно отступает от берега. Так далеко, что без труда можно собрать жемчуг, за которым прежде приходилось нырять.

Меня учили, но я сажала вместо себя внука садовника, а потому сейчас внимала рассказу Фурдика открыв рот. Как же много я пропустила! Жаль, что брат не проявил твердость и не привязал меня к стулу. Была бы сейчас гораздо умней.

– И чем этот жемчуг отличался от обыкновенного?

– Магией. Он был наполнен силой Селлара. То, что вызывало Большую волну, так же мощно противостояло ей: умело обработанные жемчужины выставляли защиту, и волна обходила селения стороной. Ты сама увидишь... к-хм... если, конечно, удержишься: стоит каменному дракону, в глаза которого вставлены те самые первые жемчужины, пророкотать «Король велик!», как над замком поднимется магический купол.

– А у этих жемчужин магия не может кончиться? – мне было жутко. Всего лишь год, и сюда придет Большая волна.

– Сам Селлар и подпитывает их. Ты можешь спокойно наблюдать, даже стоя на этой башне, как приближается гигантская волна и обрушивается на скалы. Но на своей одежде ты не найдешь и капли воды! Она просто пролетит над головой, неся с собой стаи мелких рыб, которые после станут удобрением на полях.

– Король на самом деле велик!

– Но, увы, древние боги злопамятны. И не терпят насмешки над собой. Драконы смогли противостоять стихии, но не выдержали проверки властью. Даже в наше время магический жемчуг может собирать любой, решивший рискнуть жизнью, чем, собственно, и занимаются многие жители побережья: кто-то бродит по кромке берега, а кто-то пробирается гораздо дальше. Главное, чтобы в момент, когда ты раскрываешь драгоценную раковину, на ее содержимое упали лучи Селлара. И чем меньше времени до катастрофы, тем мощнее в жемчужине магия: она достается ей и от ночного светила, и от волны.

– Это значит, что достаточно схватить первую попавшуюся раковину, вскрыть ее в ночь Большой волны, и я тут же стану обладателем артефакта?

– В теории это так, но как рассчитать, когда обрушится вода? Можно увлечься и навсегда сгинуть. А можно, как ты говоришь, схватить первую попавшуюся раковину и остаться с никчемной побрякушкой. Маги научились определять силу селларов – они получили название по имени ночного светила. Рано собранный жемчуг слаб. Такой на время уймёт зубную боль, залечит несложную рану. А вот селлары, собранные за мгновение до волны, баснословно дорогие. Я видел жемчужину, за которую отдали целый замок.

– И что может этот жемчуг?

– Многое. На что хватит фантазии. Король драконов понял, какое оружие способно оказаться в руках врага, и началась гонка...

– Достань самую сильную жемчужину?

– Да. Драконы в своей звериной сущности умели летать, а в человеческой нет. Человек никогда не смог бы опередить волну и остаться в живых, а ящер с его когтями ни за что не справился бы с маленькой песчинкой, – Фурдик кивнул на оставленные на камне раны. – Король

решил эту задачу и отправил за самой сильной жемчужиной двух драконов. Одного в человеческом облике он посадил на спину второго, выполняющего роль крылатого коня. Волна уже нависала над их головами, когда дракон-человек вскрыл заветную раковину и, подставив ее под лучи Селлара, прокричал: «Король велик!». Вот тут их боги и подловили. Да, драконы вынесли из моря жемчужину, успели, не погибли, но навсегда утратили способность превращаться из одной ипостаси в другую.

– Разделились на людей и виверн?

– Ты права, моя девочка. На людей, которые никогда не вернут способность летать, и на ящеров, которые никогда не обретут сознание мыслящего существа.

– А как же самая сильная жемчужина?

– Она оказалась пустышкой. Король не выдержал выпавшего на его долю испытания. Он считал себя виноватым: в погоне за могуществом он обрек половину своих подданных на существование в виде безмозглых тварей, а вторую – навсегда оставаться слабыми людьми. Он добровольно передал власть людям. Самым обыкновенным, всегда жившим в подчинении драконов. Наш Таллен – потомок тех первых королей, которые поклялись, что вернут трон, как только драконы вновь взмоют в небо. Не виверны, именно драконы.

– Печальная история.

Итог продолжительной беседы с доктором Фурдиком таков:

Среди нас могут находиться потомки древних ящеров-оборотней. Виверны – те же драконы, но утратившие способность мыслить. Я живу в замке, построенном ящерами. Большая волна никуда не делась, хотя драконы были наказаны по-полной. О приближении катастрофы нас предупредит шипение каменного изваяния «Король велик!», а вставленные в его глаза жемчужины накроют крепость магическим куполом. Фух! Голова кругом. Интересно, а чего такого страшного сотворил король-дракон, что на него так обозлились боги?

Прошла еще одна неделя, и еще. Северный ветер принес снег. Снежинки красиво падали в отверстия на потолке, но до пола не долетали. Почерневшее море бесновалось, и замок вздрагивал под его ударами.

Я вновь надела несуразные сапожки, выданные Велицей, и позволила натянуть на себя один из ее шерстяных платков. Походы на башню закончились – я боялась, что меня сдует, но снег и ветер не помешали изучать другие, не менее интересные, строения.

Я выходила во двор-колодец, спиной ощущая заинтересованные взгляды стражников, дежурящих у ворот, и подолгу стояла перед барельефом с изображением дракона. Лишь однажды, когда Лейрена вдруг пробилась сквозь полчища туч, я заметила, как мелкие искорки сверкнули в его глазах – те самые жемчужины, призванные защищать замок. Я до сих пор не представляла, как эта каменная фигура произнесет: «Король велик!». Для этого ей, по крайней мере, придется втянуть в пасть язык.

– Что это ты сюда зачастила? – леди Шер куталась в белый меховой плащ.

– Вы хоть раз слышали, как кричит этот дракон?

– Наслушалась сказок доктора Фурдика? – снисходительная улыбка сломала красивую линию губ.

– Но как же? А Большая волна?

– Ни разу не видела. Ненавижу всякие буйства природы, а потому загодя уезжаю отсюда.

– А разве можно?

– Но мы же не пленники? Да, королева не хочет видеть никого из нас, но никто нам не запрещает жить где-то еще, кроме столицы. Просто... просто здесь удобнее. Не надо заботиться о десятках слуг, платить им. Я лично сдаю свой особняк одной семье из Хорсбора, а

на вырученные деньги путешествую. Ненавижу запах тухлой рыбы, остающейся после схода воды. А когда крестьяне обработают поля и нет нужды зажимать от вони нос, я возвращаюсь.

– Не слушай ее. Путешествует она, как же! – на крыльцо вывалилась Велица. – Она у доктора Сфора молодость себе возвращает. Теми самыми заговоренными жемчужинами. А здесь ей жить удобно, потому что не может никак отлипнуть от короля.

– А ты чего никак от него не отлипнешь? И пора бы тоже личико поправить. Хотя тебе уже ничего не поможет.

– Я ему вместо матери. А мать всегда опекает своего ребенка, сколько бы ему ни было лет. А насчет личика – я и такая Вокану нравлюсь.

– Да я только пальцем шевельну, и Вокан забудет в твою спальню дорожку.

– Смотри, как бы без этого пальца не остаться!

Женщины сцепились так крепко, что не было никакой возможности вставить слово, а потому я просто покинула поле боя.

Краем глаза заметила спешащего куда-то сына кухарки. Он нес два ведра, и от тяжести приседал.

– Подожди, я позову помощь! – крикнула я мальчишке, но он, заметив меня, припустился еще быстрее. – Да что с тобой такое?

Догоняя Палека, видя перед собой единственную цель, я не следила за дорогой, а потому, оказавшись в пещере, разветвляющейся на несколько рукавов, в нерешительности остановилась.

– Ау! – позвала я. – Здесь есть кто живой?

Ответом мне был низкий протяжный рев, доносящийся откуда-то из глубин. До того жуткий, что моя кожа моментально покрылась мурашками. Страх погнал меня назад, и пока я металась по вырубленным в скале переходам и уже не чаяла выбраться, упустила событие, которого ждала и боялась. В замок вернулся король.

Сноски:

Карх – ночное светило.

Селлар – второе ночное светило, которое появляется на небосклоне раз в несколько лет. Его мощное воздействие вызывает Великую волну, смывающую все на своем пути. Поэтому дома жителей на побережье строятся по особым правилам – на скалах. Иногда волна бывает такой высоты, что достает до крыш, но и здесь жители готовы к ее напору: поднимают магический заслон, который стоит невероятно дорого, но оправдывает свое назначение. Жителей побережья трудно назвать бедняками. Перед тем, как на скалы обрушивается Великая волна, море отступает. И чем больше оно обнажает берег, тем выше будет смертоносная волна. Но зато за время спада воды можно обогатиться баснословно дорогими жемчужинами, которые под лучами Селлара приобретают магическую силу. Если жемчуг собрать слишком рано, сила в нем будет минимальна, но если подождать и собрать перед самой волной, то такие жемчужины ценятся особо. Но чуть замешкается собиратель, и от волны не убежать. Жемчуг несут колдунам, которые определяют его силу, а значит, стоимость. Был случай, что на один *селлар* – эти жемчужины называются так же, как и светило, купили целый замок.

Глава 8. Фаворитка

– Он здесь?!

Вынырнув совсем не из того прохода, с какого начинала погоню за Палеком, я застыла, пораженная увиденным: один из стражников вел под узду белого коня Таллена – попона с королевским гербом не давала ошибиться.

– Наверх пошел, – буркнул Вокан, появившийся у обоза с поклажей. Ее под руководством крикливой кухарки ловко разбирали прибывшие с отрядом охотники. – Думаю, до ужина мы его не увидим. Занят очень.

Вокан вел себя странно – не смотрел мне в глаза, поворачивался спиной, чересчур активно помогал водружать на плечи помощников очередную ношу, будто без него с сундуками и коробами не справились бы.

– Куда поволок? – кухарка ткнула в стражника скалкой, и ей же указала направление в жилые помещения. – Туда неси. Не видишь, что ли, это не еда?

На крыльце появилась Велица.

– Что это?

Стражник, который под тяжестью круглого короба и так согнулся в три погибели, крикнул от досады.

Дракониха легко расшнуровала ремни, откинула крышку и сунула в нутро короба руку. На свет появилось платье, расшитое кружевом и золотой канителью. Красный атлас был чересчур ярок, того самого цвета, который не очень идет блондинкам, но... Мое сердце оставалось: неужели все это великолепии мне? Ведь говорили же, что Таллен привезет наряды для новой фаворитки! И короб совсем немаленького размера – там наверняка поместились несколько пар обуви и подбитые мехом плащи. А может, еще муфта и шапочка, как у леди Шер. Нет, я не польстилась на тряпки, пусть они хоть сплошь расшиты драгоценностями, но забота короля, до сих пор проявлявшего только черствость, тронула.

– Неси в королевские покои!

Эта команда моментально привела меня в чувство. «Королевские покои!» – вот где сегодня будет отведено мне место. Лежать бревном, как учила Велица, или представлять, что над тобой нависает другой мужчина (какой?!) – нехитрое занятие, но весьма унижительное.

– Я не готова, я совсем не готова! – мое возмущение было услышано. Велица лишь сейчас заметила кутающуюся в серый плат фигуру «фаворитки».

– И не надо. Можешь к ужину не выходить. Тебе принесут, – сказала она и тут же ушла в дом.

– Леди Шер, у меня к вам просьба, – к ней обращаться совсем не хотелось, но я переступила через свою гордость. Хватит выглядеть поломойкой, нужно вспомнить, что я из рода Мирудских, пусть потерпевшего поражение в денежных делах, но древнего. И сидеть мне за столом с королем, который наверняка кисло поморщится, если я буду выглядеть так, как сейчас.

– Да, милочка? – на ней было платье синего цвета, таинственно посверкивали драгоценности, массивные серьги с камнями под цвет наряда подчеркивали идеальные линии шеи, на голове высокая прическа (и как они такие башни сооружает сама?). Что сказать? Сказочно красива. Но чувствовалась за этой красотой какая-то обреченность. В блеске глаз с усталыми морщинками, в линии рта, кривящегося от едва сдерживаемых слез. И подумалось мне, пусть леди Шер уже не в силах заинтересовать короля, но она вполне способна уколоть упреком: посмотри, на кого ты меня променял?

– Мне бы немного помады и румян...

– Зачем тебе? Ах, да... – она вернулась в комнату. Что-то со звоном разбилось, и я уже хотела ретироваться, но леди Шер успела появиться на пороге до моего малодушного побега. Сунула мне две маленькие баночки и тут же захлопнула дверь, едва не прищемив нос. Я опешила, но, поразмыслив, списала невежливость на расстройство. Всякая встреча с королем для нее испытание. Собственно, как и для меня.

Темную помаду я сразу отложила, а вот розовые румяна, наложенные не только на щеки, но и губы, сделали меня ярче. Как ни крутила свои волосы, соорудить нечто похожее на прическу Шер я не смогла, а потому просто заплела косу, уложила на голове короной и украсила голубой лентой, выуженной из того же бездонного сундука Велицы.

Расправив складки на талии, обвязалась шарфом и улыбнулась самой себе. Уже не поломяйка. Красивые башмачки, пожертвованные леди Шер, сделали меня немножко выше и изящнее.

Довольная результатом, я направилась в обеденную залу.

Сегодня накрыли в другом помещении: много огней, много выющихся растений на колоннах, приятный аромат, вмещающий в себя как запах великолепных блюд, так и запах не по сезону цветущих роз.

– Тебе в комнату ужин понесли, – буркнула Велица, когда я умачивалась рядом с ней, старательно расправляя юбку. Ее слова я восприняла как заботу: если новая фаворитка боялась увидаться с королем, то ее неявкой к столу можно было оттянуть встречу. Однако все было совсем иначе. И когда король вошел в залу с девушкой исключительной красоты, одетой в красное атласное платье, так плохо смотревшееся бы на блондинке, но чудо как хорошо оттенявшее матовость кожи брюнетки, я замерла с открытым ртом. Высокая, стройная, великолепная. Под стать величию Таллена Третьего. Я в своей рубашке, пусть и с королевского плеча, чувствовала себя ничтожной.

Дура, боги, какая же я дура! Мне бы радоваться, что король завел себе другую любовницу, а я расстроилась. Еще эта змеиная улыбка леди Шер, наверняка знавшей, что Его Величество вернулся в замок не один.

Когда все наконец расселись, Таллен обвел дружеским взглядом нашу разношерстную компанию, но, когда остановился на мне, удивился. Он УДИВИЛСЯ!

Я готова была стучаться головой о стол. Бегала, выпрашивала помаду у Шер, крутилась перед зеркалом, поправляя складки, а король просто-напросто забыл о моем существовании! Вот, что я прочла в глазах Таллена!

– Говорила же, не приходи, – Велица разворачивала салфетку, чтобы расстелить у себя на коленях.

– Почему вы меня не предупредили?

– Что еще из моих слов ты не поняла? Сидела бы у себя в комнате, никто не увидел бы, как скривилось твое лицо. Мало нам одной леди Шер.

Последние слова добили. Меня сравнили с бывшей любовницей, готовой унизиться, лишь бы иметь возможность видаться с королем. Она хоть его любила. А я? Зачем я здесь? И что меня держит в Драконьем замке?

Я дернулась подняться и убежать, потому как не могла остановить слезы, но твердая рука доктора меня удержала.

– Так будет еще хуже, – шепнул он. Фурдик отсутствовал почти неделю, и я возблагодарила небеса, что рядом со мной сейчас не пустует место, иначе я была бы видна королю.

Надо ли говорить, что затянувшийся ужин оказался пыткой? Нет, я понимала, что получила отставку, не успев исполнить позорные обязательства, и должна была бы радоваться, но отчего обида разрасталась и душила? Ну не любит король блондинок, напоминающих его жену,

ну привез очередную красавицу, которая наверняка провела все время до ужина в постели с ним, мне до этого какое дело?

– Теперь можно уйти? – спросила я доктора Фурдика, когда подали десерт и гости отвлеклись на разговоры. Король что-то шептал новой фаворитке на ухо, и та рделась как маков цвет.

– Можно, – кивнул он и, тронув мои пальцы, оставляющие на столе салфетку, прошептал: – Зайди как-нибудь ко мне, я привез тебе краски и кисти.

Я поблагодарила, хотя сейчас о художестве думала в последнюю очередь.

Поднимаясь, я оступилась и упустила туфельку: никогда не умела носить обувь без задника. Попыталась нащупать пальцами, но ничего не вышло, пришлось нагнуться за ней. Как специально доктор, меняя положение ног, пнул ее, и та отлетела еще дальше. Я, оглядевшись, что никто не замечает моих телодвижений, нырнула под стол. И испытала глубочайший шок: рука короля находилась между широко расставленных ног его новой фаворитки!

Достав туфлю, я не стала ее надевать. Стараясь не бежать, пошлепала со скоростью хромой утки.

Я рыдала всю ночь. Чуть свет поплелась к Велице.

– Чего тебе? – она стояла простоволосая в ночной рубашке до пят, больше напоминающей парус.

– Поговорить хочу, – я проявила настойчивость и буквально втолкнула драконицу в комнату. Та метнулась к кровати и опустила полог, но я все равно успела заметить спящего на животе голого мужчину. По обильной шерсти на спине и даже на ягодицах догадалась, что это Вокан.

– Я хочу уйти.

– Куда? – Велица подавила зевок.

Я с тоской посмотрела в окно. Шел обильный снег. Только в горах у моря он может быть таким красивым. Наполненный влагой, моментально оседающий на ветвях елей, делаая их сказочными.

– Ты и до деревни не дойдешь. Доктор Фурдик вчера едва не упал в обрыв: у лошади копыта разъехались. А ты хочешь вот в этих сапожках, кутаясь в один шерстяной платок...

– У меня еще сохранилось мое покрывало, – я сопротивлялась с упрямством ребенка.

– Ну, дойдешь ты до деревни, а дальше что?

– Поищу дом, где нужна учительница. Я могу обучать игре на буюаре...

– Единственный на всю деревню буюар стоит в храме.

– А если я там пристроюсь и буду играть на службах?

– Старик Гержик сожрет тебя с потрохами. Это его способ заработать монету на выпивку.

Я потупила взгляд. Нет, страждущего выпить мне не победить.

– Что тебя не устраивает в Драконьем замке? Тут тепло, сытно и, как я поняла, постелью неволить не собираются.

– Это унизительно...

– Вот это да! То говорила, без любви никак, а теперь, когда твое место заняла другая, почувствовала себя униженной?

– Я не о постели, – я даже топнула ногой. И как Велица могла подумать такое? – Я не хочу чувствовать себя нахлебницей. Вы все при деле, так или иначе зарабатываете свой кусок, а я...

– Пойдешь на кухню в помощь Марице? Будешь свиньям корм задавать? Или полезешь в курятник яйца собирать? Что ты можешь? – она взяла мою ладонь и поднесла к моему же лицу. Я рассмотрела на запястье след от краски. – Кожа нежная. В первый же день до кровавых волдырей сотрешь.

– Что же мне делать? – отчаяние переполняло меня. На кровати зашевелились. Велица досадой цыкнула: – Разбудила-таки!

Полог раздвинулся, и я зажмурила глаза. Мало приятного видеть голого мужика.

– К-хм! – кашлянул Вокан. – Я тут наведни в деревню ходил...

– Угу, опять со стариком Гержиком набрался...

– Молчи, женщина. Так вот... Ты глаза-то открой. Не такая у меня морда страшная, чтобы шуриться.

Я открыла. Вокан лишь слегка раздвинул полог, сунув в образовавшуюся щель голову. Слава богам, остальное великолепие медведя от моих глаз было целомудренно скрыто.

– Так вот, я захватил с собой твои мазульки...

– Что?

– Он про рисунки говорит, – перевела Велица.

– Кухмиру они приглянулись.

– Кухмир – это хозяин корчмы, – опять включилась в беседу дракониха.

– Сказал нести еще. Он мало того, что по стенам их развесил, так еще с торговым обозом в столицу отправил. Говорит, непременно в лавке брата будут пользоваться спросом. Вель, ты там в моих штанах поковырайся...

– Вот еще!

– Глупая женщина. Там предоплата за новые мазульки лежит. Будет нашей Милене подспорье. И бежать никуда не надо: она станет свой вклад за еду и кров вносить ежемесячно. Велица, прими.

– Пусть сначала платье себе новое купит, – буркнула дракониха. – А уж от лишней тарелки мясной похлебки Таллен не обнищает. Раз сам привез, пусть сам и кормит.

– Женщина, – голос Вокана сделался строгим, – ну как ты не понимаешь, что дело не в разорении короля, а в гордости?

– Ну, если гордость, тогда да, приму первый взнос. А когда торговый караван вернется? Все-таки надо бы девочке обнову справить.

– Дней через пять, – занавес захлопнулся, и пока мы с Велицей перетряхивали штаны Вокана, раздался густой храп. Денег оказалось предостаточно и на кров, и на еду, и на мелкие обновки. Никогда не думала, что мои «мазульки» будут в цене.

Глава 9. Тяжелый день

Воодушевленная открывшимся способом заработать, строя планы все-таки убраться из замка, пусть не сейчас, а весной, я не заметила, как влетела в купальни. Так назывались небольшие водоемы, где горячая вода переливалась из одного в другой, создавая каскад озер, разных по размеру и степени нагрева воды. Через них лежал самый короткий путь до моей комнаты. Еще полчаса назад эхо подхватывало лишь звуки моих шагов, но теперь к ним примешался чей-то протяжный стон.

Хорошо, что я не вышла на открытое пространство, иначе сгорела бы со стыда: на ступеньках одного из водоемов, наполовину погруженные в воду, сплелись два нагих тела. В глаза бросились мокрые пряди черных волос, темные соски большой груди, мерно подрагивающей в такт действиям мужчины. Оба любовника были так поглощены актом соития, что ничего вокруг не видели и не слышали.

– Поцелуй меня, мой король, – хриплым голосом произнесла женщина и потянулась к Таллену. Тот гибко наклонился и накрыл алые губы своими. Поцелуй был долгим. Руки короля отпустили бедра и переместились на грудь. Они мяли ее и поглаживали, и каждое их движение сопровождалось ответным постаныванием женщины.

– Прикуси сосок, я хочу...

Губы короля оставили цепочку следов на влажном теле и, достигнув груди, втянули сосок в рот.

– Ах...

Язык собрал влагу в ложбинке между полушариями, вновь вернулся к груди, но уже к другой, еще не обласканной. Звучные поцелуи, стоны и страстный шепот приумножало эхо, и вместе с каплей и плеском воды создавало чувственную музыку любви. Незнакомую мне, неиспытанную.

«Она стонет не от того, что ей больно. Ей приятно. Ей очень приятно», – я сделала осторожный шаг назад. Что я помнила из своего первого постельного опыта? Мне было больно и тошно. И я хотела, чтобы все быстро закончилось. Здесь же любовники не спешили, старались продлить удовольствие, умышленно не доводя его до накала.

Я зажмурилась, прогоняя видения моей такой непохожей ночи, а когда открыла глаза, то встретила взгляд короля. Его улыбка была улыбкой охотника, выследившего добычу. Не отпуская меня, продолжая удерживать установившуюся связь, он приподнял фаворитку за бедра и вошел в нее. Порывисто, глубоко. И лишь когда она закричала от наслаждения, закрыл глаза, позволяя мне уйти.

Я вернулась к комнате Велицы. Потопталась, кусая ногти, у ее двери, а потом решила: пойду через двор. И пусть на мне нет теплой одежды, лучше замерзнуть, чем бежать, сгорая от неловкости, через купальни.

На завтрак я не пошла. Велица все поняла без слов и прислала ко мне с подносом Палека. Хорошо, что пришел сын кухарки, иначе я так и изводила бы себя вопросами: зачем король это сделал? Почему не обругал, не прогнал прочь, а закончил то, что другой женщине принесло удовольствие, а мне лишь боль? К чему эта издевательская открытость?

Да и я чувствовала себя виноватой. Подглядывала, нет, чтобы уйти сразу. Почему осталась, почему позволила себя поймать? Я, наверное, больная. Стоит мне закрыть глаза, и я вижу, как подрагивает грудь фаворитки. И стоны. Стоны, стоны, стоны...

– Велица прислала, – мальчишка бухнул на стол поднос. По-хозяйски переставил на расстеленную скатерть кувшин с молоком, краюху хлеба, кусок сыра. Развернув тряпицу, вывалил на блюдце засахаренные сливы.

– Съешь одну, – я по глазам видела, что такое лакомство для мальчишки недоступно. Он угрюмо покачал головой. – Съешь, я разрешаю.

Он, так и не посмотрев на меня, ухватил одну.

– Мамке.

– Возьми тогда еще.

– Не можно. Велица ругать станет, ежели узнает.

– Не узнает, – я поднялась, высыпала все сливы назад в тряпицу и вручила Палеку. Тогда он сунул в рот ту, что держал в кулаке. Зажмурился от удовольствия.

– Скажи, а куда ты тащил тяжелые ведра?

– Когда? – взгляд честный-честный.

– Вчера. Ты еще от меня убегал.

– Вот еще. Зачем мне надобно с помоями бегать?

– С помоями? – вот не показалось мне, что в ведрах помои. Куски печени и требуха. Я видела однажды, как разделявали коровью тушу.

– Ну да. Их с центрального входа выливать в обрыв не можно. Весной вонять начнут. Приходится таскаться к морю через задний двор.

– А кто рычал в пещере?

Палек задумался. Почесал макушку.

– А! Так море же!

– Не похоже, – я поджала губы, не соглашаясь с объяснением.

– Ну, как же! Внизу в пещерах бьет ключ, а когда море волнуется, то доплескивается до горячих камней. Вот и получается страшный звук. Хорошо еще паром не обдало. Вы это... будьте поосторожней.

– Спасибо. Я буду.

Мальчишка убежал, а мой измученный мозг получил новую пищу для размышлений. Не поверила я, что мясной сбой нужно вываливать в овраг, как помои. Что за расточительство? У охраны есть псы, лучше бы им скормить. И звук тот вовсе не был шипением.

– Тук-тук-тук! К вам можно?

На пороге стояла фрейлина короля. И опять в моей памяти ожили ее трясущиеся сиськи. Прямо наваждение.

– Леди Милена? Так вас, кажется, зовут?

Я стояла каменной статуей. Зачем фаворитка здесь? Она видела, что я в купальнях наблюдала за ними? Пришла укорять в неприличном поведении? Хотя... Неприлично было с ее стороны предаваться страсти в людном месте. Ну и что, что рассвет только-только занялся? Разве я не могла захотеть освежиться после долгой ночи?

М-да. Вот почему они там были. Пришли освежиться после долгой ночи, ну, и опять не удержались.

– Меня зовут Фиордес. Можно без леди. Я бастардка маршала Плюсса. И, если вас не смутит, походная жена короля, – она рассмеялась, и ее грудь опять заколыхалась. Я отвела глаза. Ну неприлично иметь такие большие сиськи.

– Что вас, Фиордес, привело ко мне? – вблизи она казалась еще красивей. Ни единого пятнышка на безупречной коже, строгие линии бровей, четкие очертания верхней губы, милая припухлость нижней. Губы, которые целовал король.

– Мне очень понравились ваши рисунки. Один из них Таллен даже повесил в своем кабинете. Это тот, где дракон в ярости рвет когтями крышу башни. А вокруг беснующиеся волны. Я прямо слышала, как они оба режут: ящер и море.

– И?

Тут она деланно засмушалась. Поднесла ноготь к губам, погрызла его жемчужными зубами.

– Не могли бы вы нарисовать мой портрет? Я бы повесила его в королевской спальне. Чтобы Таллен видел, какую бы женщину он туда ни привел, я лучше.

– Вы ревнуете?

– О! Мы уже столько раз расставались и вновь сходились, что всех остальных можно считать временными, а я постоянная.

– Мне говорили, что король бывших любовниц выдает замуж или отправляет в монастырь, – про каторгу я принципиально умолчала. – Это правда?

– Правда, – Фиордес вздохнула. – Меня тоже отдал. Генералу Кройцу. Слышали о таком? Пограничник-герой, орденосец, кавалер королевской звезды...

– И где он сейчас?

– Все там же, на границе. Вернусь, привезу ему очередной орден. Так как насчет портрета? – она подошла к зеркалу, поправила идеально лежащие волосы. – Я бы была не против, если бы вы изобразили меня обнаженной... Ой, какой красивый цвет помады! – она держала в руках одну из баночек леди Шер. – Можно?

Я рассеянно кивнула. Фиордес обмакнула пальчик и уверенными движениями нанесла помаду на губы.

– Великолепно! – она полюбовалась своим изображением. Цвет действительно подошел как нельзя лучше. Губы стали сочными, яркими. Такие с особым наслаждением будет целовать король. Бедная леди Шер, знала бы она...

– Я никогда не рисовала людей и, боюсь, у меня не хватит таланта передать всю вашу притягательность.

– А если я вам щедро заплачу? – Фиордес облизала губы. Вкус у помады тоже был хорош. Фаворитка вернулась к баночке, зачерпнула новую порцию краски и, сунув палец в рот, от удовольствия закрыла глаза. – М-м-м, как поцелуй бога. Подарите мне эту помаду.

– Я...

– Спасибо, милая, – она чмокнула меня в щеку, оставив влажный след. Я непроизвольно вытерла его салфеткой. – Встретимся после ужина... О, нет! Лучше завтра на рассвете! Освещение утром гораздо ярче.

Фиордес ушла, оставив сладкий запах духов. Удивительная женщина. Она не просит, она диктует. Видимо, годы, проведенные рядом с королем, и ее сделали такой же самонадеянной.

Теперь придется извиняться перед Шер за помаду, которую я не смогу вернуть. Надо бы попросить Фурдика поискать такую же в столице. Я посмотрела на салфетку, на которой остались следы краски.

Обед я тоже пропустила, а вот на ужин за мной прислали.

– Его Величество потребовали, чтобы вы присутствовали, – церемонно сообщил мне Фурдик, передавая пакет с кистями и красками.

– Хорошо, – я была расстроена. И вовсе не из-за того, что мне вновь придется надевать ту же юбку и рубашку. Я откровенно трусила. Что скажет король? Не станет ли намекать на мое позорное подглядывание?

Ну почему со мной так? Кто-то ведет себя непристойно, а в виноватых хожу я?

Я вошла, когда король с любовницей уже сидели за столом. Фурдик поднялся, пододвигая стул. Мое лицо горело огнем.

– Леди Милена? – я подняла глаза на Таллена. Слава богам, в них не было той утренней усмешки. – Я слышал, вы хотите покинуть нас?

Велица запыхтела как виноватый дракон.

– Да, я...

– Я запрещаю вам выходить за пределы крепостной стены.

– Но...

– Без возражений. Я в ответе за вашу жизнь.

– Я бы хотела спуститься в деревню, – я скрутила до боли в пальцах салфетку, прежде чем решилась произнести следующее: – В лавку. Мне не в чем ходить.

Король нахмурился, сосредоточил взгляд на моей рубашке.

– Я пришлю вам. Велица, составь список. Вокан, а ты проследи, чтобы мой приказ не нарушался.

– Но почему? Разве я пленница?

– Дикрей сбежал.

Я задохнулась от ужаса. Если Толл-младший сбежал, то он умрет, но разыщет меня. И не было никакой уверенности, что разыщет, чтобы забрать с собой. Скорее похоронит здесь же. Или сбросит в море. Раз не ему, то никому.

– Кто такой Дикрей? – не к месту спросила Фиордес. Она держала в руках куриную ножку, и красный след от помады отпечатался на бледном мясе птицы. – Что? Что не так?

Она не могла понять, почему король смотрит на курицу широко открытыми глазами.

– Фиордес, что это?! – в его голосе слышалось потрясение.

Фаворитка опустила глаза и тут же отшвырнула от себя треклятую ножку, из которой торчало несколько зубов. Истерично вскрикнула леди Шер. Феордес, закрыв рот салфеткой, вскочила. С грохотом опрокинулся стул.

– Фурдик, за ней! – скомандовал король, выбегая следом.

А мы, ничего не понимая, остались за столом. Первым в себя пришел Вокан. Накрутив на ладонь салфетку, он поднял злополучную куриную ногу и поднес к своему лицу.

– Фу! Меня сейчас стошнит! – веер в руках леди Шер затрепетал. – Что? Что там?

– По крайней мере четыре зуба. Нет, пять. Один лежит на столе.

– Они у нее вставные?

– Нет, живые. Тут даже осталась кровь. Они просто выпали.

– Как такое возможно? – спросила я, не веря, что все происходящее не дикий сон. Дикрей, зубы...

Дракониха не выдержала. Обогнув стол, забрала из рук Вокана куриную ногу и завернула в салфетку.

– К этому лучше не прикасаться. Чую я, что к нам пришла беда.

Она оказалась права. К утру Фиордес умерла. Беззубая, безволосая, покрытая сочащимися язвами.

– Ее отравили? Но как?

Я сидела на кухне. Рядом со мной примостилась взволнованная кухарка, наблюдая, как Велица роется на ее полках, перетряхивая мешочки, баночки и ящички со специями.

– Когда ты в последний раз ходила в лавку?

– С месяц назад. Вчера не было ничего такого, чем бы я не пользовалась все эти дни.

– На кухню заходили посторонние?

– Только наша стража и королевские охотники. Они занесли припасы, прибывшие с Его Величеством.

– Если бы отравка пришла из кухни, умерли бы все мы, – вошедший Вокан принес с собой ледяной воздух, заставив нас поежиться. Сняв шапку, оттер лоб. – Она ничего не ела и не пила вне стола. В вине, которое они вчера раскупорили вместе с Талленом, яда точно нет. Я нашел остатки и проверил.

– На ком проверил? На себе?

– Глупая женщина. На поросенке проверил.

Мы прислушались, со двора раздавался радостный пороссячий визг.

Дверь вновь распахнулась. На пороге стоял король. В одном камзоле, несмотря на снег. Он шагнул в помещение, больно схватил меня за руку и выдернул из-за стола. Молча поволок за собой.

Я беспомощно оглянулась, но никто из тех, кого я считала друзьями, не пришел мне на помощь.

Глава 10. Смерть ходит рядом

Король затащил меня в свою спальню. Швырнул так, что я упала на пол. Поднес к моему лицу открытую баночку с помадой.

– Это ты дала ее Фиордес? – от ярости рука его дрожала.

– Да, но...

– Ревность? Ты способна убить человека из-за ревности? Место фаворитки захотела?!

Я попыталась встать, но король опрокинул меня и сел сверху.

– Я заставлю тебя ее съесть.

– Давайте, – я выпростала зажатую его телом руку. – Я сама съем отраву. Лучше умереть, чем постоянно быть без вины виноватой. И пусть боги покарают вас так же, как когда-то короля драконов.

Король, не ожидая такого ответа, распрямился, отвел от моего лица баночку с помадой. Но я выхватила ее и, глядя ему в глаза, лизнула содержимое. Сладкая, ароматно пахнущая смерть.

– Наверное, мне на роду написано погибнуть по вашей милости. Ни крупницы счастья... – жалко было умирать вот так, лежа под тяжелым королем. Я смахнула слезу. Нет, я не буду плакать. Нельзя уходить с ненавистью в сердце. Порывисто вздохнув, гася рыдания, я прошептала: – Спасибо за подарки, которыми вы одарили меня. Насилие, унижение, ложь... – я кашлянула, от сладости яда свербело в горле. – Но это не я, а вы убили Фиордес. Может быть, она была бы счастлива со своим генералом, если бы вы не развратили ее, – баночка с помадой выпала из моих рук и покатилась. – И все, кто живет в этом замке, тоже давно мертвы, просто пока об этом не догадываются. Лучше уж небесные чертоги, чем рядом с вами.

Я облизала губы и расслабилась, приготовившись к страшным последствиям своего необдуманного поступка. Все равно мне не жить: не яд, так Дикрей убьет меня. Прислушалась к ощущениям: болело колено – видимо, я ушиблась, когда меня швырнули на пол. Ныло запястье, за которое меня волок Таллен.

Король встал, прошел к кровати, на которой еще лежало нижнее белье его последней любовницы, и позвонил в колокол.

– Фурдика сюда!

– Я здесь!

– Промойте ей желудок. И дайте какое-нибудь противоядие.

Доктор сел на корточки и внимательно посмотрел на меня, лежащую без движения.

– Помирать вздумала? – он собрал остатки яда с моих губ. Сунул палец в рот, пососал. –

И как они научились делать такие ароматы?

– Фурдик! Ты обезумел?!

– Помаду тебе дала леди Шер? – доктор не слушал короля.

Я кивнула.

– Я сразу догадался. Только у нее помада от Величи Браски. И если бы в ней был яд, то первой умерла бы наша малышка.

– Но я не пользовалась ею.

– Почему? – доктор удивился, не представляя, как можно отказаться от такой помады. Он подобрал баночку и так же, как Фиордес, зачерпнул содержимое пальцем. – М-м-м, великолепно, – он, смакуя, закрыл глаза. – Такие губы я бы целовал бесконечно.

– Фурдик! Как ты можешь?! Ты же не знаешь наверняка!

– У леди Шер не было резона травить Милену, она ей не соперница. И к тому же Шер знала, что вы приехали с Фиордес, а, значит, малышка вас не интересуется. Зачем зря грех на душу брать? А к генеральше Кройц помада попала случайно, правда, милая?

– Она сама взяла, – я по-прежнему лежала на полу. Мало ли в какие игры играют мужчины? Вдруг все-таки отравилась? Падать с высоты роста больно.

– От чего тогда умерла генеральша Кройц? – король отвернулся к окну. На его лице ходили желваки. С пола мне было особенно хорошо виден его профиль.

– Проклятие.

Таллен резко обернулся. Доктор поднялся и протянул мне руку. Пришлось вставать. Смерть откладывается до появления бывшего жениха.

– Откуда ты знаешь?

– Нашел в коробочке с пудрой, – доктор извлек из кармана вырезанную из кости пудреницу.

– Да, это принадлежало Фиордес. Мы покупали ее вместе в Нордаги.

Я ожидала, что доктор вытряхнет содержимое, но нет. Фурдик перевернул и показал королю дно. Я тоже сунула нос меж двух склонившихся над вещью мужчин. Сначала ничего не разглядела, как и король, но доктор ногтем мизинца показал на небольшую выпуклость у одной из трех ножек.

– Что это? – не понял король.

– Половина жемчужины селлар. Вторая должна быть у человека, насылающего проклятие. Только так установится крепкая связь, и желание осуществится. Мне ли вам, Ваше Величество, объяснять?

– Жемчужина с магией, – заворуженно произнесла я. Я видела ее впервые. – Как такая крохотная и даже не целая жемчужина может нести в себе смерть?

– Как я и говорил, жемчужина селлар может все. Эту заговорили на смерть. Чем больше всего гордилась Фиордес?

– Красотой тела, – произнес ошеломленный король.

– Ее она и лишилась. И вы, мой король, увидели свою любовницу в самом из ужасных состояний. Чисто женская месть. Проникнуть тайно в покои Фиордес и прикрепить проклятие к вещи, которой она часто пользуется, несложно.

– Но кто осмелился?!

Фурдик со значением поднял бровь.

– Стража! Взять леди Шер!

Леди Шер сопротивлялась. Кусалась, визжала, пиналась, но, когда ее все-таки скрутили, затихла. Помада размазалась, краска для глаз потекла. Под всем этим неумолимо проявился ее истинный возраст.

– Не я! Не виновата! Всех ненавижу, только посмейте до меня дотронуться!

Быстрый обыск ничего не дал.

– Что ищем? – уточнили пришедшие на помощь охотники.

– Вторую половинку селлара, – Фурдик показал пудреницу.

Лицо леди Шер скривилось.

– И не найдете. Ее просто у меня нет и никогда не было.

Не нашли. Когда я вернулась в свою комнату, взгляд упал на баночку с румянами. Я оглядела ее всю, но ничего похожего на селлар не заметила. Румяна были исключительно красивыми, с необыкновенным перламутровым блеском.

– А что это у вас в руках, милая? – я вздрогнула. Фурдик подкрался неслышно. – Еще один подарок от леди Шер? Ловко-ловко. Мы ищем селлар там, а он здесь. И никто бы не догадался.

– Но разве вторая половина не должна быть у человека, наставшего... Ой! Честное слово, это не я! – я запаниковала. Если селлар действительно в румянах, то могут решить, что я и есть убийца.

– Успокойся. Я свидетель, что о магическом жемчуге ты узнала от меня, и у тебя просто не было времени купить его, – доктор взял баночку из моих рук, зачерпнул румяна и растер между пальцами.

– Что тут происходит? – на пороге стоял Таллен, за его спиной заплаканная леди Шер с двумя стражниками по бокам.

Фурдик протянул королю указательный палец, на котором лежала крохотная жемчужина.

– Она спрятала вторую половинку в румянах и отдала их Милене. Весьма ловкий ход.

Я невольно провела рукой по щеке. Окажись такая ничтожная капля перламутра у меня на скулах, я ее просто смахнула бы.

Леди Шер, ошеломленную не меньше меня, увели.

Когда ее увозили, она кричала, прижавшись к стеклу кареты:

– Позовите Таллена! Это недопустимая ошибка! Меня нельзя наказывать за то, что я не делала! Таллен!!!

– Может, она на самом деле не виновата? – я куталась в жесткий платок. – Совсем недавно у короля были доказательства, что я и есть отравительница Фиордес.

– А кто еще? Змея подавилась собственным ядом, – Фурдик натянул ворот по самые уши. Ледяной ветер трепал его жидкие волосенки.

– Между леди Шер и Фиордес давно шла вражда. У одной получилось вернуть себе короля и не раз, а у другой нет. Небесные чертоги, примите душу покойницы, – Велица поцеловала пальцы собранных в ковш ладоней.

– Почему король такой?

– Какой? – Велица шмыгнула носом. Дракониха никак не могла поверить, что ревность заставила леди Шер пойти на убийство.

– Заставляет страдать. Меня, королеву, леди Шер...

– Наверное, он просто не замечает, что вам плохо, – Фурдик постучал ногой о ногу. Мороз крепчал. – Вы же улыбаетесь, прихорашиваетесь для него.

– Бессердечный, – буркнула Велица.

– Совсем недавно ты говорила о грудном молоке, с которым наш Таллен всосал сострадание... – Вокан обнял дракониху за талию.

– Не всосалось, – откликнулся Фурдик, поворачиваясь к нам.

– Что будет с леди Шер? Ее осудят? Сошлют на каторгу?

– Король не позволит, чтобы леди Шер судили, – за всех ответил Фурдик. – Она слишком долго была рядом с ним. Зачем обнародовать то, что должно быть скрыто?

– Боюсь, наша Казуля уже не вернется, – дракониха шумно высморкалась в платок. – Она ненавидела это деревенское имя, поэтому просила называть себя не иначе, как леди Шер.

– Ее убьют?!

– Если бы король хотел, леди Шер сгинула бы как Зуйка. Тихо. Без шума. И коней никуда не надо было бы гонять, – Вокан стряс с бороды снежинки.

Мое воображение тут же нарисовало, как леди Шер, беспрестанно оглядываясь, в страхе бежит от короля, а он следует за ней неотвратимо. И вот уже жар опалает ее лицо, и идти больше некуда...

– Нам лучше не знать. И не болтать, если сами не хотим оказаться в пекле, – ворота закрылись, и Велица, беспрестанно вздыхая, пошла в дом. А я осталась стоять на морозе. Как же просто король вершит судьбы! Без суда, без возможности оправдаться! Достаточно попасть к нему в немилость, и ты перестанешь существовать.

Я не верила, что леди Шер убьют. Скорее всего, ее закроют в каком-нибудь монастыре, где обяжут хранить молчание. Она сама рассказывала, как король избавляется от своих любовниц.

Так я получила еще один наглядный урок: у короля нет снисхождения даже к тем, кого он когда-то любил.

Через двор опять с тяжелыми ведрами спешил Палек. На этот раз я не стала его окликать, тихо пошла следом.

Бесполезно запоминать дорогу и считать повороты, если ты за кем-то следишь. Внимание должно быть сосредоточено на чем-то одном.

Палек вывел меня в просторную пещеру, один из коротких рукавов действительно оканчивался морем. Оно рокотало, но его брызги не долетали до той ямы, куда мальчишка вываливал содержимое обоих ведер. Я принялась. Воздух был холодным, но гнилью совсем не пахло. Присутствовал какой-то незнакомый запах, но определить, что это, не удавалось. Так может пахнуть какая-нибудь дикая, несовместимая смесь, например, огня и воды.

Палек не стал задерживаться и, как только ведра опустели, стремглав бросился назад. Он столкнулся бы со мной, если бы я не вжалась в нишу.

– Ой! – пискнула я, падая спиной назад. Топот мальчишки уже стих, и я поторопилась подняться, на ходу отряхивая одежду от каменных крошек. Нельзя упустить Палека, без него я не выберусь. Но удивительное дело, я не смогла найти нишу, из которой только что вывалилась. Передо мной стояла сплошная стена.

– Эй! – закричала я, еще надеясь, что Палек не убежал далеко. – Э-э-эй! Я здесь!

Ответом мне было шумное дыхание откуда-то сзади. И издавать его должен был зверь размером с быка, не меньше.

– Мамочки, мамочки, мамочки... – я крутанулась на непослушных ногах и попятилась вдоль стены, желая не только видеть опасность, но и нащупать хоть какую-нибудь лазейку. Шаг зверя был тяжел. Земля подо мной подрагивала. Наткнувшись на валун, я едва не упала, но, сообразив, что это единственное укрытие – дальше только та самая пещера с ямой для отбросов, скользнула за камень и легла, молясь всем богам, чтобы меня не заметили. Уткнулась лицом в ладони и перестала дышать.

Глава 11. Плачут ли короли

Я слышала, как огромное тело задевает стены, как под ногами скрипит и крошится камень, как шумно зверь выдыхает. Я умерла, когда он остановился у камня и потянул носом воздух. Чуть-чуть сдвинула ладонь, чтобы посмотреть, пора готовиться к смерти или еще рано. Боги, как же я боялась встретиться с тварью взглядом!

Что увидела? Да практически ничего. Зверь снова двинулся, и мимо меня тащилось нечто змееподобное усеянное красными шипами. Хвост? Это какое животное обладает хвостом, на котором спокойно может ехать верхом дюжина воинов? Если, конечно, не побоятся испортить шипами доспехи. А хвост все тянулся и тянулся.

Понимая, что опасность почти миновала – зверь идет на запах мяса, я осмелела и приподнялась, но тут же опять уткнулась носом в землю: кончик хвоста с силой ударил по моему валуну и высек из него искры.

Я лежала и прислушивалась к чавкающим звукам. Что делать? Подняться и бежать, ведь тот проход, через который ушел Палек, совсем рядом, надо лишь обогнуть стену и постараться не задеть хвост урчащего от удовольствия чудища? Или лежать и ждать, когда тварь вернется к себе? А вдруг теперь, когда голод уже не будет властвовать над ее умом, она окажется более внимательной?

Осторожно высунула голову из-за валуна и увидела нечто огромное, мускулистое, с гибким телом и сильными лапами. Два сложенных крыла топорщились острыми наростами – видимо они и скребли стены. Красная чешуя как броня заковывала всего хищника, более темные по окрасу шипы шли от самого хвоста до... до невероятной головы. Зачаровывающей красотой линий и сковывающей ужасом. Зверь как раз задрал ее, заглатывая приличный кусок мяса. Он даже его не жевал! Острые зубы, длинный подвижный язык и желтые змеиные глаза – передо мной находился его величество Дракон.

Надо бежать!

Замирая от страха, боясь сдвинуть даже один камешек, чтобы не привлечь внимание, я кое-как поднялась. Сильно пожалела, что на мне юбка, а не какие-нибудь штаны. Если выживу, надо будет обязательно позаботиться и о таком наряде. Здешние пещеры полны тайн, и убегать от опасности лучше в мужской одежде.

Я не дышала и вся превратилась в зрение. Смотрела под ноги и на зверя, видела каждый выступ на стене и каждый камешек под ногами. Я почти добралась до поворота, когда хвост твари дернулся, и теперь передо мной маячил самый его кончик, украшенный шипом в мой рост. Зажала ладонями рот, чтобы не закричать, и в этот самый момент услышала шаги. Обыкновенные неторопливые человеческие шаги.

Кто тот безумец, что приближается к жрущему ящеру? В том, что передо мной виверна, я уже не сомневалась. Вот и зверь прислушался, перестав жевать, повернул голову. Потянул ноздрями.

Я вжалась в стену и мысленно поблагодарила Велицу за обрезанные сапожки и невзрачный серый платок. Как могла им прикрылась и медленно-медленно села. «Я камень. Меня никто не заметит», – успокаивала я себя, подглядывая в оставленную щелочку за происходящим. Если вдруг виверна бросится на человека, у меня будет всего лишь мгновение, чтобы сорваться и убежать.

– Здравствуй, Хоул, – из темного прохода появился Таллен. Виверна радостно выдохнула, подняв в воздух мелкую пыль.

Удивительно было наблюдать за общением ящера и короля. Виверна опустила голову, и Таллен погладил ее по широкому лбу. Ящер закрыл глаза и заурчал. В этом звуке слышались и радость от встречи, и упрек, что долго не приходил, жалобы на скуку и боязнь, что общение

долго не продлится. Я ясно различила все оттенки чувств! Не такие уж виверны безмозглые, как рассказывал доктор Фурдик.

– Я все понимаю, Хоул. Все понимаю, – король сел на край ямы и свесил ноги. Виверна достала один из кусков и протянула Таллену. Тот, засмеявшись, отказался.

Король дождался, когда виверна закончит, потом поднялся и пошел к тому выходу, за которым плескалось море. Его фигура на фоне серого низкого неба была видна особенно четко, поэтому я разглядела, что Таллен выглядит совсем не так, как обычно. Казалось, что на его плечах лежит целый мир, и он сгибается под тяжестью нелегкой ноши. Ветер задирает волосы, и они бились о мех ворота словно крылья. Виверна подошла туда же, аккуратно, так, чтобы не сбить короля на скалы, легла и со вздохом устроила голову на передних лапах.

Самое время уйти, но любопытство заставило меня остаться.

– Они все-таки убили ее, – произнес король, глядя куда-то вдаль. Виверна открыла глаз. – Фиордес больше нет. Ее тело лежит в склепе, но то, что я вижу – это не моя Фиордес. Они надругались над ее красотой.

Виверна вздохнула.

– Я знаю, она просила нарисовать ее, но не успела...

Король вдруг закрыл лицо руками. Его плечи затряслись.

Таллен плачет?! Может ли этот бессердечный мужчина плакать? Я не верила.

Но король вдруг упал на колени. Казалось, что его подкосила неведомая сила, так неожиданно все произошло. Потом согнулся, сложился пополам и уже плакал, не скрываясь, в голос.

Сколько тоски, сколько боли было в том плаче!

Я мазнула ладонью по своему лицу и удивилась, что оно мокрое. Я плакала вместе с королем.

Уже уходя, считая невозможным более находиться рядом и подглядывать, как боль утраты ломает мужчину, я услышала:

– Я любил Фиордес, поэтому никак не мог отпустить...

Кисти и краски. Натянула холст, угольком набросала лежащую на полу купальни женскую фигуру. Я помню красоту тела Фиордес. Она поразила меня, поэтому я запомнила и упругую грудь, и мягкую впадину пупка, и треугольник темных влажных волос, гладкость тяжеловатых бедер. Я не стала рисовать лицо, в таком ракурсе его просто не могло быть видно, но изогнутое в страсти тело, тянущееся для ласк и наслаждения, получилось до того похожим на оригинал, что я сама удивилась своему мастерству.

Я пропустила обед и ужин, пропустила завтрак следующего дня, и обеспокоенная Велица сама принесла мне поднос с нехитрыми яствами, но я не оторвалась от картины, пока не закончила.

Что двигало мною? Сопереживание? А, может, вина, потому как слова короля «Они убили ее» приняла и на свой счет? Ведь не могла Фиордес не почувствовать моего раздражения, моего нежелания с ней общаться.

Нет, вовсе не вина и не сочувствие двигали мною. Я хотела, чтобы король сохранил в своем сердце искру любви. Пусть к другой, умершей уже женщине, но такую человеческую искру, делающую даже самого прожженного негодяя чище, лучше, светлее.

Рисунок я передала через Велицу.

– Не разворачивайте. Король наверняка не захочет, чтобы картину видел кто-то еще. Ее заказала Фиордес, – я оттирала руки от краски. Дракониха вскинула на меня глаза. – Мне кажется, он страдает.

– Спасибо, девочка, – Велица крепко обняла меня. – Со дня смерти Фиордес Таллен ни разу не вышел к столу. Иногда его нет и в своих покоях, и я только гадаю, где он может находиться.

– Он любил ее, да?

– Он любил ее, а она позволяла себя любить, – дракониha вытерла набежавшую слезу, и не было понятно, по ком она плачет: по несчастной фаворитке, или по своему страдающему королю. – Фиордес нравились его внимание и драгоценности, которыми он ее одаривал, прельщала возможность творить все, что ей вздумается. Раскованная, свободолюбивая и дерзкая. Они часто ссорились, и тогда Таллен отсылал ее назад к мужу, встречался с другими женщинами, но неизменно возвращал. Что теперь будет?

Я пожала плечами.

И подумалось мне, что король сейчас мучается не просто так. Это своеобразное возмездие за порушенные его волей судьбы. Он легко уничтожил мои мечты, походя отнял у меня привычный мир, а теперь кто-то такой же бессердечный убил его любовь.

Я не раз размышляла о поступке леди Шер. Да, она была капризной, дерзкой, своими речами вызывала неприязнь и даже ненависть, но я никак не могла свыкнуться с мыслью, что она решилась на убийство Фиордес. Что изменилось, почему именно сейчас она воспылала ревностью, а не в тот сто первый раз, когда удачливая фаворитка вновь вернулась к королю? Ненависть к женщине, которая вертела королем так, как ей никогда не удавалось? Желание убрать ее со своего пути? Леди Шер умная женщина и должна была понимать, что разделайся она с одной соперницей, появится другая, но Таллен никогда не вернется к тому, чем так увлекался, будучи подростком. Он уже взрослый мужчина и уроки старой фаворитки ему ни к чему.

Так зачем ей убивать Фиордес? В чем резон?

Но если не она, то кто?

При мысли, что это Велица, Вокан или Фурдик, мне стало смешно. Вот уж у кого, у кого, а у этой троицы точно не нашлось бы причины. Не одна, так другая любовница. Фиордес даже была в этой роли предпочтительней: они ее знали не первый год. Пойди, догадайся, что выкинет незнакомка, а эта уж наверняка знает, чем занять короля, и не принесет жителям замка никаких хлопот.

И леди Шер никто из троих не стал бы подставлять столь ужасным способом. Я слышала, как Велица плакала в своей комнате и жаловалась Вокану, что вот так постепенно из ее жизни уходят те, к кому она привыкла. Я даже забыла, зачем пришла, так меня потрясли рыдания дракониhi. Вечные пикировки с Шер, ее, оказывается, забавляли. «Горячили кровь», – как она призналась. Вокан вздыхал и пытался утешить свою подругу. Когда слышались звуки уж вовсе не простых поцелуев, я тихо удалилась. Доктор тоже ходил потерянный и бесконечно вздыхал-вздыхал-вздыхал. Я даже однажды застала его с мокрыми глазами, устремленными в вечность: «Эх, Шер-Шер, зачем же ты так неосторожно?».

– Конечно, королева! А кто ж еще! – Велица согласилась со мной, что Шер не виновата. – Эта змея может простить Таллену кратковременные романы, но постоянную привязанность не допустит.

– А как же жемчужина селлар? Одна половинка у проклинаемого, вторая у проклинающего? С этим как быть?

– Шер могла заговорить селлар на мелкую гадость, но не на убийство. Чтобы у любовницы Таллена волосы реже стали, или чтобы кожа испортилась, но вот чтобы соперница умерла в мучениях – то нет, на такое она не способна. Я ее знаю очень давно. Нет в ней жажды крови, она ее ужасает. Видела, она про жемчужину вообще слова не сказала? Почему? Да потому что селлар ее. А кричала Казуля лишь о том, что убийца не она, что не брала грех на душу. И король это прекрасно понимает.

- Почему же он ее отослал?
- А как еще поступить? Продолжать держать при себе, дразня истинного убийцу?
- Убийца в замке?!
- Кто его знает? Таллен столько людей опять согнал. Охотники, деревенские, что в помощь нанимались. Попробуй опознай, кто из них в сговор с королевой вступил.
- Я боюсь королеву.
- Вот и сиди тихо, чтобы она на тебя взор свой не обратила. Ладно. Пойду я. Таллен послал Вокана в приграничье, собрать в дорогу его надо.
- Зачем?
- Как зачем? Тело Фиордес мужу отвезти. Он сам ее похоронит.

Короля я больше не видела. Он уехал сразу же за Воканом. Произвел ли на него впечатление мой рисунок, не знаю. Велица рассказала, что он развернул его, мазнул взглядом без видимых проявлений эмоций, а потом уснул кормилицу, не сказав ни слова.

Жизнь замка вернулась в прежнее русло, только теперь уже без леди Шер. Я скучала по ней. Все-таки она умела расшевелить наше сонное царство.

Когда Вокан вернулся, выглядел смурнее, чем обычно. Но, отогревшись с дороги, поев и наобнимавшись с Велицей, открылся.

– Генерал Кройц повесился. Как получил письмо о гибели Фиордес, пил всю ночь, а утром наложил на себя руки. Хоронить пришлось обоих. М-да.

Глава 12. Виверна

Сегодня ходила к Палеку. Вместе с ним кормила свиней. Невзначай сказала, что знаю, куда он каждый день носит два ведра мяса. Мальчишка побледнел.

– Не ходи больше туда! – буркнул он со всей мужской прямоотой. Даже не заметил, что стал обращаться ко мне на «ты». – Нечего тебе там делать. Король узнает, осерчает.

– Скажи, а ты сам видел, кого кормишь?

– Разве можно видеть духа?

– Духа? – теперь заволновалась я. Виверна выглядела как настоящая.

– Ну да. Там живет пещерный дух. Но, смотри, помалкивай! – Палек толкнул коленом свинью, лезущую рылом в его ведро. – Король пригрозил, если начнем языки распускать, быстро без голов останемся.

– Так это ты духу жертву, что ли, носил?

– Ну да. Если жертву не принести, замок тепла лишится. Вымерзнет. Видела, стены до черноты обожжены? Его работа.

– И ревет тоже он?

– И ревет он. Ты когда-нибудь слышала, как при большом пожаре пламя ревет?

– Нет, не доводилось.

– И не надо. Страшно ревет. Я поэтому, как в жертвенный котел требуху скину, быстро утекаю. Неровен час с духом огня встретиться. Спалит до косточек.

– А кто тебе про дух огня рассказал?

– Мамка. А ей сам король. Когда нанимал на работу, условием поставил: кормить, не пропускать, иначе всем смерть. Сначала она с ведрами таскалась, а как я подрос, на себя взял.

– А Велица и Вокан знают о духе огня?

– А кто им расскажет? – мальчонка выпятил грудь. – Один я с мамкой в тайну посвящен. Еще ты теперь. Но смотри, не болтай.

– Не буду.

И опять в голове вопросы-вопросы-вопросы.

Считать ли виверну духом огня, или это байка, придуманная для кухарки? Если то, что я видела, все-таки не дух, а самый настоящий дракон, то почему Таллен скрывает его даже от таких близких ему людей, как кормилица и Вокан? И последнее – откуда взялся этот дракон, и почему не выбирается из пещеры, чтобы полетать? Крылья у него есть, я сама видела. Или дракон тоже от кого-то скрывается?

Написала «тоже» и сердце сжала тревога. Я сама, как несчастная виверна, сижу взаперти. Мне ясно сказано, не высовывать носа.

Нечаянно заметила, что вздрагиваю от каждого шороха и звука. Неужели верю, что Дикрей отыщет меня и сумеет близко подобраться?

Поделилась сомнениями с Воканом. Он утешил, что король перед отъездом оставил для усиления стражи несколько надежных охотников, они пробудут с нами всю зиму. Тогда у меня появился новый страх: а вдруг вместе с ними остался и убийца Фиордес?

Сомнения-сомнения-сомнения.

Все-таки не удержалась и спросила у Велицы, что за странные звуки доносятся из подземелья.

– Как будто ревет огромный зверь, – закончила я свою речь и уставилась на кормилицу. Если она знает, что в пещерах живет виверна, от меня не скроется заминка с ответом.

– Пламя ревет, – без раздумий и как-то уж совсем равнодушно бросила она.

– Дух пламени? – я решила притвориться совсем уж дурочкой.

– Почему дух? Самое обыкновенное пламя. Я однажды тоже решила полюбопытствовать. Помню, где-то через месяц после того, как меня сослали сюда, впервые услышала жуткий рев. Тогда я с Воканом знакома еще не была, а потому взяла с собой стражников.

– И что?

– А ничего. Добрались мы до пещеры как раз в тот момент, когда этот рев повторно раздался. Жутко было аж до трясучки. Идем, а под ногами принесенные морем раковины скрипят. Знаешь, такой неприятный звук, словно сухие кости ломаются. Хорошо, что за поворот не зашли, иначе от нас один пепел остался бы. Так полыхнуло, так полыхнуло, что у меня волосы вмиг от жара скукожились. Думала, больше не отрастут.

– А потом?

– А потом мы убежали. Как-то враз перестал интересовать рев. Ну ревет себе пламя и ревет, главное, что наружу не выбивается. А ты что думала?

– Я думала, чудище какое.

– Нет, то пламя, которое наш замок греет. Я видела, как кухарка туда ведрами требуху таскает, но разве ж темных людей переубедишь, что пламени все равно, подносишь ты ему жертву или нет. Ревело и будет реветь. И Таллен успокоил – испокон веков то пламя под замком живет, еще ни разу наружу не выбиралось. Иначе все вокруг давно бы до стекла оплавилось.

Прошло дня три с тех пор как вернулся Вокан. Обед накрыли нам в малой зале – той, где плющ даже зимой зеленый, а вода по стене течет такая теплая, что прямо хоть сейчас купайся.

Ели молча и даже как-то без аппетита. Лишь доктор дергал и дергал коленкой. Когда на столе начинала звенеть посуда, он извинялся и на время успокаивался, но, видать, думы не отпускали, и он застывал каменным изваянием: с поднятой над куском мяса вилкой или с бокалом, поднесенным к губам. А потом, после ощутимого пинка Вокана, вновь отмирал, и тогда снова клацали графины и фужеры.

– Да что с тобой такое? – не выдержала Велица.

– Тревожно мне, – выдал вдруг доктор.

– С чего бы?

– Говорят, в наших местах разбойник объявился. Лютует.

Я уронила ложку.

– А король как специально вновь в столицу подался. Разве же мы выдержим осаду с восьмью-то воинами? – салфетка, которую доктор поднес к губам, дрожала.

– Если разбойнику никто про тайный ход не скажет, выдержим, – уверенно ответила Велица и вдруг хлопнула себя ладонью по рту. Ее испуганный взор был обращен на Вокана, который досадливо крякнул.

– Ну что за бабий язык!

– У нас есть потайной проход? – как я могла пропустить такую оговорку и не спросить? – Минуя врата?

– Есть, – буркнул Вокан. – На случай осады. Припасов здесь на месяц точно хватит, но пока враг будет уверен, что мы друг друга едим, уйдем потайным ходом.

– А его кто-нибудь охраняет? – беспокойство, что о потайной лазейке могут знать не только жители замка, съедало.

– Охотники, которых король оставил.

То-то я никого из них в замке не встречала. Вон они где все затаились!

– Вы уже с ног сбились, и мальчишку своего загоняли, – я взяла из рук кухарки котелок и корзину, из которой торчала бутылка с молоком и каравай свежего хлеба. – Давайте, я охотникам обед отнесу.

– Не положено, – буркнула она и опасливо обернулась на лежащего в углу на мешковине сына. Бедняжка уснул от усталости.

Ей бы в помощь кого из деревенских, но из-за того, что за пределы замка никого не выпускали, о нужде в той помощи сообщить было некому. Последним выезжал доктор, но вернулся быстро. Он и рассказал, как беспокойно вокруг. В трактире только и разговоров о целой армии чужаков, перемещающейся от деревни к деревне. И ведь до чего неуловимые были, злодеи. Только отряд егерей появится на горизонте, как лихой народ растворяется в ночи.

– Пожгли храм в Бестужах, – доктор кутался в плед. – Вынесли все самое ценное, священника к воротам прибили. Говорят, записку при нем нашли: «Отдай мое, и я твое не трону».

Я опустила лицо в ладони. Мне и без этих слов было понятно, кого и зачем ищут. Дикрей ни за что не остановится, пока не добьется своего. Мне ли не знать?

Сегодня я застала, как Велица сама стирает белье, хотя обычно его увозили к прачкам и назад привозили свежее. Да и телеги с припасами перестали приходить. Прошла всего неделя с разговора за столом, а присутствие в наших местах разбойника уже чувствовалось. Праздно шататься по замку, пока другие хоть что-то делают, я не могла, поэтому пошла к кухарке.

– Оденься теплее, – напутствовала она меня, так и не решившись разбудить уставшего сына. Сняла с себя теплый чепец, накинула на мои плечи вязанную шаль, связав концы за спиной. – Там дует. Вмиг заledenеешь.

– Куда идти-то?

– Лесенку, вырубленную в скале у свинарника, видела?

– Которая к птичнику выводит?

– Ага. Как на нее вступишь, все время левой рукой по стене веدي. Запомнила? Потому как если правой поведешь, напрямик к горячим источникам выйдешь. Заживо сваришься.

– И сколько рукой вести?

– Пока тебя не окликнут.

Завидев меня с котелком и корзиной, свиньи засуетились, завизжали в предвкушении кормежки и были заметно разочарованы, когда я прошла мимо. Лесенку, если бы ее мне не показал Палек, ни за что не нашла бы – столь умело она была спрятана меж скалистых выступов. Птичник тоже встретил суетой, но быстро уgomонился. Надев на сгиб локтя корзину, я приложила ладонь к стене и почувствовала (не увидела, а именно почувствовала), что в ее теле вырублена гладкая канавка, которая будто путеводная нить вела меня к тому месту, где затаились охотники. Звук моих осторожных шагов разносило пугающее эхо. Ветер задира л юбку и холодной рукой прикасался к лодыжкам. Пришлось ускорить шаг, чтобы он не успел закинуть юбку на голову, до того сильны были его порывы.

Тени то сгущались, то расходились – это дневной свет нет-нет и пробивался через расколы в потолке. Пылинки плясали в остро режущих темноту лучах. Но я и такому освещению была рада – кухарка забыла предупредить меня о лампе. Скорее всего, нужно было снять ту, что висела у входа в птичник. Но как тогда я несла бы котелок?

«И зачем мне свет? Не стану отрывать ладонь от стены, попаду к нужному месту и без огня», – успокаивала я себя, когда один из отрезков пути оказался совсем уж темным. Только что свет буквально слепил, прорываясь из щели сверху, и вот точно упал тяжелый занавес.

Стараясь как можно быстрее пересечь жуткую тьму, я наткнулась на что-то мягкое. От неожиданности упала на колени. Котелок такого поворота не выдержал и тут же расплескал содержимое. Пытаясь подняться, путаясь в длинной юбке, я невольно отняла руку от стены и оперлась на непонятную преграду. Меня едва не вырвало: подо мной лежало мертвое тело. Кровь еще была теплой, что тут же навело на мысль, что убийца где-то рядом и слышит мое дыхание.

Я попятилась, безуспешно пытаюсь обнаружить чужое присутствие.

– Вот и встретились, милая, – со спины ко мне прижалось сильное тело. – Думала, не узнаю свою Милену в служанке? У меня бы ты была королевой...

Стоило слышать вкрадчивый голос, как не осталось сомнений – Дикрей меня нашел. Я громко всхлипнула. Ладонь, пахнувшая кровью, запечатала рот.

– Тише-тише, не надо шуметь. Или ты хочешь, чтобы я еще кого-то убил? Опустит корзину, она тебе больше не пригодится.

Я скинула с локтя ношу. Корзина глухо ударилась о камни, и в пугающей тишине ясно послышалось, как из разбитой бутылки выливается молоко.

– Я сказал, опусти, а не брось, – шипение Дикрея резало слух. Я кивнула, показывая тем, что больше не буду шуметь.

Немного постояв, прислушиваясь к тишине, Дикрей вновь зашептал:

– Сама пойдешь, или взвалить тебя на плечо?

Я помотала головой. Но как только рука Дикрея сползла с моей талии, со всего маха саданула тень за спиной зажатый в руке котелком. И попала!

Я ни минуты не сомневалась, что жизнь моя будет недолгой. И что меня ждет перед кончиной, лучше не представлять, а потому вложила в удар всю свою ярость.

Темнота не была мне помощником, но не была и врагом. Шарить руками в надежде, что отыщется приведшая меня сюда стена, казалось бесполезным – я понятия не имела, где она находится, а потому просто побежала. Вперед, подальше от грязно выражающегося разбойника.

Дикрей, через мгновение пришедший в себя, побежал следом. Его бухающие шаги подстегивали.

Я, споткнувшись, кубарем скатилась по крутому склону, который зашвырнул меня на уровень ниже. Котелок, подсакивая и ударяясь о камни, грохотал так, что я вовсе перестала соображать, где верх, а где низ. Эхо множило звуки. Сначала я кинулась за своим единственным оружием, но вовремя сообразила – зачем мне котелок? Он так и покатился в темноту.

«Не останавливайся! Не останавливайся, иначе смерть!» – поторопила я себя и сунулась в первую же попавшуюся щель – подальше от все еще грохочущего котелка.

Животный страх гнал меня вперед, и я сама не заметила, как петляя и ныряя то в широкие, то узкие проходы, выбралась на карниз, опоясывающий скалу снаружи. Серое небо и шипящие под ногами волны давали обманчивое ощущение свободы. Казалось, взмахни руками, и ты взмоешь ввысь.

Чайки кружились над головой и кричали: «Давай к нам! Давай! Здесь безопасно!», а я бежала, бежала и старалась не слушать обманщиц. За рокотом моря и гомоном птиц я не слышала, гонится за мной Дикрей или нет, а потому летела подобно стреле, выбравшей цель. Сердце стучало в ушах, а собственное дыхание оглушало.

Карниз закончился широкой аркой, и я, влетев в нее, едва не оказалась в яме для «жертвоприношений». Только тут я сообразила, где нахожусь. Мое ликование закончилось криком негодования, когда из того прохода, к которому я стремилась, вынырнул Дикрей – взмокший лоб, нижняя половина лица в крови. Видимо, я сломала ему нос.

Я не рискнула бежать назад к карнизу: я так сильно устала, что навряд ли выдержала бы обратный путь. Скорее всего, чайки похвалили бы меня за полет вниз головой. Но радовать крикливых обманщиц я не хотела, а потому потихоньку, глядя Дикрею в смеющиеся, а от того еще более жуткие глаза, направилась к пещере, в которой когда-то пряталась за валуном от виверны.

– Что, милая, едва не убила? – Дикрей осторожно двинулся навстречу, готовый к тому, что я в любой момент кинусь в противоположную сторону. Не желая обманывать его ожиданий, я оглянулась на зияющую пустотой арку. Муж остановился. «Странно, но я до сих пор считаю Дикрея мужем».

– Лучше смерть, чем жизнь с тобой.
– Ты всегда была глупой. Глупой наивной девочкой.
– Ты не менее глуп, если влачился за такой как я.
– Влачился? – он засмеялся, и эхо с готовностью подхватило его мерзкий смех. Как он мог мне нравиться? – Правильно ли ты помнишь то, что происходило между нами?

– Я думала, этому имя любовь...
– Любовь? – он печально поцокал языком. – Ты помнишь служанку, которую послала к Гулю с известием о деньгах лорда Кархаля?

Я вздрогнула от кинутой в лицо правды. Я сожалею о свершившемся и корю себя, но никогда не буду открывать душу Дикрею. Не ему судить меня.

– Вот с ней у меня действительно была любовь. Ха-ха-ха! – он стащил с головы шапку и оттер ею лицо, размазав кровь еще сильнее. – Отправить ко мне мою же любовницу! Да я за неделю до тебя знал, что Кархаль собирает деньги на выкуп, а тут такой сюрприз: девочка Мирудских опустила до уровня разбойников!

– Люзия не могла... Она... Она была замужем за нашим конюхом.
– Люзия могла. И охотно бегала ко мне на болота. А в постели она... М-м-м, как же она была хороша в постели! А ты говоришь, влачился. Да за кем я только не влачился! Валета, Ганька, Марися... Это тоже любовь?

– Ты спал со всеми нашими служанками?! – я задохнулась.
– Я не мог допустить, чтобы такая добыча, как ты, ускользнула из моих рук. Я знал о каждом твоём шаге.

– Зачем я тебе была нужна?
– Имя. Мне нужно было твоё родовое имя. Это то, чего не могла дать ни одна из шалав.
– А теперь? Зачем я тебе теперь?
– Незачем. Но я не люблю проигрывать, – он вновь двинулся в мою сторону. – Я хочу, чтобы король нашел твоё растерзанное тело. Я не стал первым, но я буду последним твоим мужчиной. Я сделаю ему так же больно, как и он мне.

– Ха-ха-ха! – теперь рассмеялась я. Зло, с брызнувшими из глаз слезами. Это заставило Дикрея замереть. – Ты ещё не дотронулся меня, а уже проиграл. Я не нужна королю. Разве ты не видишь, на мне нет шелка и кружев? – я рванула душащий меня платок, и он мохнатым зверем упал к моим ногам. Дышать стало легче.

Дикрей ощупал взглядом криво сидящую юбку, рубаху с чужого плеча, обрезанные сапожки.

– Не надо меня больше насиловать. Ты и так стал последним мужчиной, который до меня дотронулся.

Воспользовавшись замешательством мужа, я побежала. Я хотела жить. Боги, как же сильно я хотела жить! Поэтому кинулась туда, где наши шансы уравнивались. Сейчас виверна не казалась мне такой уж жуткой. Дикрей, распаленный моим отчаянным сопротивлением Дикрей, был гораздо страшней.

– А-а-а-а! – кричала я и неслась по проходу, исчерченному сильными крыльями ящера. – Сожги зверя! Сожги!

Я знала, что виверна может. Ведь это она когда-то напугала стражников и Велицу.

Под ногами хрустели осколки раковин. Они разламывались, крошились, их становилось все больше и больше, а ящер все не появлялся. Я спиной чувствовала, как тянется ко мне рука Дикрея, чтобы схватить за чепец, а потому, подчиняясь наитию, рванула его с себя и в последний момент ощутила, как совпали наши движения – мой бывший возлюбленный все-таки дернул чепец на себя.

Я получила спасительную передышку, я не упала спиной назад. Я кувыркнулась вперед: что-то черное бросилось мне под ноги, а потом, подмяв под себя, прижало к острым осколкам

раковин – я осязала их через тонкую рубашку. Нестерпимый жар сбил дыхание. Я закричала, слыша, как трещат мои волосы.

Глава 13. Два одиночества

– Жива?

Надо мной стоял король и тянул ко мне ладонь. Вокруг него кружился пепел. Отвратительно пахло жженным волосом и подгорелым мясом. Я, пребывая в глубокой растерянности, руку подала. Таллен поднял меня рывком, но я вновь едва не упала, когда увидела метрах в трех от нас мертвого человека, стоящего на коленях.

Это не мог быть Дикрей. Я не верила, что одним дыханием огня можно превратить сильного мужчину в дымящийся обрубок. Без глаз, без ушей, без кожи. Из одежды сохранились лишь сапоги – новые набойки на каблуках горели серебром, остальное будто ветром сдуло. Когда меня повели мимо, мой муж упал на бок, точно дерево, подрубленное молнией, и в разные стороны полетели снопы искр.

Я потеряла сознание.

– Ничего страшного, сейчас придет в себя. Испуг.

Я узнала голос доктора Фурдика.

– Пить...

Хотелось вытравить из памяти черное дымящееся дерево. И этот ужасный запах паленых волос. Я поднесла руку к голове, и в моих пальцах осталась сухая как солома прядь.

– Ни к чему слезы, девочка, – к губам прижали бокал. Вода была холодной до ломоты зубов, с чуть заметной кислинкой. Такой как раз хотелось. – Отрастут твои золотые локоны. Главное, жива осталась.

Я боялась открывать глаза. Чувствовала присутствие Таллена и не желала встретиться с его брезгливым взглядом.

– Я бы, Ваше Величество, рану на плече все-таки обработал.

– Ерунда. Саданулся нечаянно, когда по карнизу за ней бежал. Прыткая девица оказалась. Своим появлением все планы нам порушила. Мы с Палеком договорились, что он сегодня не придет.

– А откуда разбойник знал о потайном лазе? Неужели среди нас предатель? – голос Фурдика был вкрадчив. Вот на кого первого я подумала бы: он единственный из нас за пределы замка выходил.

– Я сам передал ему план тайного хода.

После такого я открыла глаза и села.

– Как?!

Король застегивал камзол. Мокрые волосы упали на лицо. На щеках после купания играл легкий румянец.

– Через подставное лицо. Надоело за ним по деревням гоняться.

– Жаль старика Гержика... Кто теперь в храме на бюдаре играть будет?

– Да, Гержика жаль, хоть и знатным пропойцей был. Гуль опознал Милену, и необходимость в проводнике отпала. Не появившись она в пещере, старик остался бы жив. Мы отбили бы его у разбойника.

Я слушала, но страшные слова не задевали. Осознавала, что своим явлением вынесла приговор какому-то старику, но неловкости не испытывала. Будто все пролетало мимо. Будто говорили вовсе не обо мне.

Я огляделась. Совсем не нервировало, что нахожусь в спальне короля. Даже пожалела, что простыни испачканы сажей, везде клочья ломанного волоса – в такую постель он не ляжет. Принялась их стряхивать, но сделала еще хуже – мои руки не отличались чистотой и оставляли черные пятна.

– Вызовите Велицу, пусть пострижет ее, искупает.

– Прикажете к себе отвести? – подобострастие в голосе Фурдика злило. Как-то все в докторе было фальшиво. И блеск в глазах, и постоянное облизывание губ.

Таллен смерил меня изучающим взглядом.

– Нет. Я хочу, чтобы она осталась.

Странное дело, я тоже была не прочь остаться. Откуда-то снизу поднималась волна и заставляла все тело гореть. Король волновал. Сильный, красивый. Губы красные, кожа белая, гладкая. Плечи широкие, по ним хочется провести руками и... снять камзол. Зачем он нужен? И рубаха не нужна. И... штаны.

Я опустила глаза на видимую выпуклость.

– Что за дрянью ты нас поишь? – король потянулся за вторым бокалом, понюхал его содержимое. Сделал несколько крупных глотков. – Пью и никак напиться не могу.

– Жедунь-травя. Вы сегодня несколько раз смерти в глаза смотрели, а отвар снимает последствия волнений. Легкая эйфория, радужные сны. М-м-м...

– Что мнешься, говори.

– Может появиться стойкое желание к женщине

– Вызови Велицу. Пусть уведет девчонку.

– Боюсь, вам не стоит отсылать Милену. Желание следует удовлетворить. Головная боль, раздражение...

– Проклятье. Оставь девчонку.

Я начала раздеваться.

Король схватил доктора за шею и вывел из комнаты в согнутом состоянии. Тот мерзко хихикал.

– Как ты смел опоить меня? – голос Таллена за дверью звенел от гнева.

– Стресс наилучшим способом снимается через соитие. Нормализуется давление, работа сердца...

Дальше я не слушала.

Лежала на кровати совершенно голая и ждала, когда вернется мой король.

– Вставай, вставай, деточка! – Велица тянула меня за руку, а я цеплялась за подушки. – Надо искупаться. И, фу, что у тебя на голове!

– Мне нужно дождаться короля, – громким шепотом доверительно сообщила я. – Он мой герой! Он меня своим телом накрыл, и теперь я хочу расплатиться.

– Накрыть своим телом? Смотри, как бы наутро тошно не стало.

Кровать перестелили. Волосы были еще влажные, но я с удовольствием закопалась в подушки. Я ощущала себя чистой, гладкой, красивой. Провела рукой по груди, потрогала сосок, который тут же откликнулся желанием.

– Теперь медленно опусти руку вниз.

Я подняла голову и счастливо рассмеялась. На меня смотрел сидящий в кресле король. В руках бокал, из которого он отпивал мелкими глоточками.

Руку вниз? Нетрудно! Даже приятно. Кончики пальцев щекотали кожу.

Я застонала, чувствуя приближающееся наслаждение. Я знала, чем закончится поход моих пальчиков – они найдут ждущий прикосновений бугорок.

Я закусила губу и закрыла глаза. Но меня прервали. Мою руку зажали, а к точке женского счастья прикоснулись чужие пальцы. Всего лишь одно касание, и я забилась в сладких судорогах.

И совсем нестрашны поцелуи короля: пусть нет в них дикой страсти Дикрея, его губы были нежны, язык умен, а последствия очевидны – мое тело горело от любовных ласк, но мне хотелось еще, еще и еще.

Какая же я глупая! Почему решила, что спать с мужчиной неприятно – надо всего лишь переждать, когда он удовлетворит свою похоть? Мне не нужно было представлять, что мною обладает какой-то другой мужчина: я видела короля и хотела только его. И бревно – явно не мой стиль поведения. Я была кошкой, которая желала тереться, лизаться, мурлыкать от счастья.

Мы дарили друг другу наслаждение, прерываясь лишь на то, чтобы сделать глоток воды из кувшина. Мы забыли о бокалах, пили из широкого горла, обливались, смеялись, слизывали с тел кисловатые капли отвара и любили, любили, любили...

Король не уезжал целую неделю. Нам уже не нужен был отвар жедунь-травы, чтобы испытывать страсть друг к другу. Мы не видели никого и ничего кроме себя. Мы потеряли всякий стыд. Мы не одевались, поскольку не терпели даже частицы закрытого тела. Купальни, подземные озера – где только мы ни находили укромных уголков, чтобы насладиться единением. Я даже отдавалась, лежа на жемчуге. Нет, не на нитке бус – это было бы неудобно и больно, а на целой куче, где жемчужин было подобно песчинок в пустыне.

– Откуда столько? – моя рука закапывалась в жемчуг. Белый, розовый, золотистый. Яркий и блеклый, давно не видевший света.

– Хоули натаскал.

– Это твоя виверна? – я смеялась, когда на меня сыпались из рук Таллена жемчужины и упруго ударялись о живот, грудь. – Почему ты скрываешь ящера от людей?

– Хоули стар и слеп. Мне кажется, он ровесник Драконьего замка и видел первую Большую волну. Его легко напугать и тогда... Я не хочу, чтобы кто-нибудь погиб. Иначе мне придется объявить Хоули опасной тварью и убить его.

– Он не летает?

Король покачал головой. Лег рядом, тысячи жемчужин пришли в движение.

– Хоули до сих пор рвется в небо перед Большой волной. Его разум все еще гонит его искать самую сильную жемчужину. Знаешь, виверны не настолько глупы, как привыкли считать люди. Посмотри, с каким усердием он собирает жемчуг.

– Зачем ему столько?

– Видимо даже у виверн сохранилась мечта вновь стать драконами. Не ездовой тварью, пригодной в бою, а мыслящим существом.

– Это настоящий селлар? – я взяла одну и посмотрела на просвет.

– Да. Но пока он не заговорен, это просто жемчуг. Хочешь, я закажу тебе платье, расшитое этим жемчугом?

– Ох, оно должно быть очень тяжелым, – я перевернулась на живот и заглянула в лучащиеся глаза короля. Он притянул меня к себе и поцеловал.

Мы были счастливы. Я не знаю, что нас сроднило: жедунь-трава, которая сняла все ограничения и страхи, потрясение от гибели Фиордес и Дикрея, озарение, что жизнь может обрваться в любой момент, ощущение гнетущего одиночества, когда хочется, чтобы рядом был кто-то, кто поймет тебя, или... похоть. Раздумывала, прежде чем написать это слово, хотела заменить его на любовь, но... Я знаю точно, что со стороны Таллена любви ко мне нет. Откуда ей взяться? Девочка-провинциалка, которой далеко до столичных красавиц. Толком ничему не обученная, не прижившаяся даже в семейной жизни. Глупая, наивная... Может быть слабые ростки любви и появились в моей душе, но я безжалостно их вырывала, объясняя свое желание находиться рядом с королем похотью. Я хотела испытать все, а Таллен охотно делился со мною знаниями. Разве любовь бывает ненасытна до плотских утех? Ей достаточно поцелуев. Нет?

Я сластолюбца, да?

– Как ты оказалась в пещере, где мы устроили засаду? – мы впервые за долгое время оделись. Таллену пора было возвращаться в столицу. Меня перекручивало от нежелания отпустить его.

– Случайно. Я сама вызвалась отнести обед охотникам.

– А где в это время находился Палек? Он должен был предупредить мать.

– Он спал, и мы не стали его будить.

– Откуда ты знаешь, что в нижней пещере живет виверна? Когда тебя гнал Дикрей, я не подозревал, что ты догадываешься о существовании ящера, но твой крик «Сожги зверя!» ясно дал понять, что ты задумала. Пришлось спасти тебя.

– А где вы все были раньше? – я поджала губы, вспоминая как мне было страшно. – Почему не остановили Дикрея?

– Для этого прежде всего нужно было остановить тебя, но нам никак не удавалось перехватить столь прыткую девицу. Один твой бег по карнизу едва не сделал меня седым. Я каждую секунду ждал, что ты оступишься, и я не успею протянуть тебе руку. Так откуда ты знала про виверну?

– Случайно получилось. Следила за Палеком, а потом... потом уходить было поздно. Ящер вышел за подношением, – я не стала рассказывать, что видела, как Таллен плачет. Мне кажется, ему не понравилось бы узнать, что в минуту горя, когда он впервые показал, что у него есть сердце, за ним наблюдают.

– Все у тебя случайно...

– Мы даже с вами встретились случайно. Разве не так?

– Так, – он наклонился и поцеловал меня. Взял за подбородок и прижался сухими губами. Обыденно, без объятий, без слов «Я вернусь, жди». Повернулся и ушел.

А я принялась отсчитывать дни.

Глава 14. Фатальная случайность

Короля не было вот уже шесть недель. На седьмой я поняла, что меня отравили.

Велица застала жертву отравления стоящей на коленях перед ночной вазой. Недуг сгibal пополам.

– Позови доктора Фурдика! – крикнула хозяйка замка кому-то за спиной.

– Я сейчас! – отозвался взволнованный Палек. Видимо это он доложил драконихе, что я не могу подняться.

– Враг во дворце, – прошептала я, ложась на пол, но оставляя горшок в зоне видимости.

Велица стояла надо мной каменным изваянием. Уперев руки в бока и внимательно рассматривая мою скорчившуюся фигуру.

– И давно у тебя это началось?

– Всю неделю подташнивало, но я думала, что объелась сладостями. А сегодня вот...

Я едва успела дотянуться до ночной вазы.

– Когда в последний раз были очередники?

Я рукавом вытерла мокрый рот. Задумалась.

– Не помню. Кажется, тогда, когда вы сказали, что ребеночка у меня не будет.

– Теперь, кажется, ребеночек у тебя все же будет.

От такого предположения я даже села.

– Но как? Я все время пью отвар доктора Фурдика...

Дракониха подошла и понюхала воду в кувшине, плеснула чуть-чуть в бокал, посмаковала, потом сплюнула.

– И ты не почувствовала, что отвар уже не пахнет, как прежде?

– У меня с нюхом вообще что-то странное происходит...

– Что у нас? – доктор был деловит. Несмотря на ранний час блеснул драгоценностями.

– У нас девка беременная. Голову тебе оторвать надо. Не уследил! – она сунула под нос Фурдику мой кувшин.

– М-да. Надо бы новый сбор гиблой травы раздобыть. Этот явно вышел из годности. Выдохся, должно быть.

– И-э-эх! Выдохся! И где ты его зимой раздобудешь?

– В столицу надо ехать.

– А мне что делать? – я смотрела на них снизу: на хмурую Велицу и нервно дергающего ножкой доктора.

– Пока трудно сказать, – доктор потер сухонькие ручки, и этот шелестящий звук вызвал новый приступ рвоты. Когда я подняла голову, Фурдика в комнате уже не было.

После отъезда короля я перебралась к себе. Не посчитала возможным оставаться в опочивальне Таллена. Едва пережила укол ревности, когда подумалось, что в следующий раз он может вернуться не один. Проплакала, уткнувшись лицом в пахнущую королем подушку, собрала одежду, которую прислали с торговым обозом (брат трактирщика постарался выбрать все самое красивое), и перебралась в свое крыло.

Чтобы заглушить неприятное чувство, с головой ушла в рисование. Уединение помогало не замечать настороженные взгляды обывателей замка. От меня шарахались кухарка и Палек. Стоило появиться во дворе, замирала по стойке смирно стража. Велица и остальные были предельно вежливы, но уже без той дружеской теплоты, когда я была никем. Теперь же ко мне приклеилось звание «Фаворитки Его Величества». Наша недельная связь ни от кого не скрылась. Да мы особо и не прятались. Где мы только не засветили свои обнаженные тела! Это Вокан и прочие не попадались нам на глаза, но могу представить, кто только не смотрел на нас во время наших безумных любовных игр.

Я и сама избегала общества, испытывая смесь стыда и затаенной радости. От воспоминаний, что мы творили с Талленом, кидало в жар. Я трогала свою грудь, и та отвечала всплеском желания. Хотелось вновь почувствовать на сосках губы короля.

Не стану скрывать, я хотела Таллена и ждала его.

Но кто же знал, что гиблая трава перестала охранять меня от беременности? И что будет теперь?

Велица уходила от ответа, и я представляла всякие ужасы. В деревне девки, не желая внебрачного ребенка, чего только не делали. Ложились в лохани с горячей водой, заливали внутрь себя отвары непонятных трав, поднимали непосильные тяжести. Лишь бы скинуть дитя. Иногда их желание освободиться заканчивалось смертью.

У меня желания потерять дитя не было. Его существование даже как-то примирило с мучительной тошнотой и прочими неприятностями, которые свойственны беременным. Я жила затаенной радостью, что жизнь моя обретает смысл. Я буду мамой. Я в этом и на миг не сомневалась. Даже готова была сбежать и спрятаться, лишь бы меня не лишили этой радости. Куда? К кому? Пока не думала, но копила деньги. Картины, которые я рисовала с особой страстью, раскупались еще не высохнув. Палек бегал в деревню каждый день, и уже не мальчишка мастерил для них рамки, а самый настоящий умелец – плотник Нихандр.

Доктор вернулся через десять дней.

– Я был у короля, – буркнул он на мои расспросы. Я не дала ему войти в дом, пока не услышала, как решили мою судьбу. – Он сказал, ребенка не трогать.

Я, держась за радостно бьющееся сердце, отошла в сторону – пропустила стражника, несущего огромный короб. Удивилась, когда тот потрусил не в комнаты Велицы, где она хранила всякий нужный скарб, а напрямик в мое крыло.

– Что это? – я ходила кругами, пока дракониха расстегивала ремни. Очень уж коробка была похожа на ту, в которой Фиордес привезла свой гардероб

На свет явилось платье, сплошь расшитое жемчугом. Я заплакала. От счастья, от любви, от нежности. Я теперь часто плачу. По любому поводу. У меня будет малыш.

Подарки от короля следовали один за другим. Драгоценности, наряды, меха. Но вот сам он не появлялся, и я никак не могла понять, что его держит в столице. Доктор часто уезжал, как я догадывалась, докладывать о моем состоянии, а возвращался с неизменным «Король думает о тебе, но обстоятельства не позволяют...»

Летели дни, недели. Падал снег, выли ветра, все чаще говорили о Большой волне, которая придет, если я правильно подсчитала, как раз перед родами. Я волновалась, но совсем не думала о стихийном бедствии, которое замок за тысячелетие пережил и не раз. Все мои мысли были направлены на того, кто живет во мне. Кто он? Какой он?

Я не хотела подслушивать. Честное слово. Я шла к Велице, чтобы она расстегнула колье – подарок короля, которое от нечего делать я примеряла, но замочек запутался в волосах и теперь мне требовалась помощь.

– И какой у королевы срок? – дракониха говорила тихо, но я, стоя у самой двери, разобрала все до слова.

– Примерно такой же, как у нашей Милены. Сам проверял. Сейчас о беременности Ее Величества на каждом углу трубят, а поначалу скрывали. Мало ли, вдруг скинет?

– Тебя до тела королевы допустили? – удивление Велицы было безмерным. Еще бы – опального доктора да к практике во дворце.

– Личным медикусом государыня избрала. От того и мотаюсь в столицу часто, – в голосе Фурдика чувствовалась затаенная гордость. – Никого другого, кроме меня, к осмотру не допускает.

– Видать, мордой ткнуть хотела того, кто громче прочих кричал, что Донна бесплодна. Ну дела-а-а. То-то я думаю, почему король махнул рукой на бастарда? А, оказывается, вона как! Королева тоже на сносях. И как странно все совпало!

– Да, ей теперь не до фавориток супруга. Носится со своим животом, как курица с яйцом. Капризы, истерики, требование, чтобы Таллен не отлучался. Хотя спят порознь. Не дай боги, наш жеребец от полового усердия чем-нибудь навредит. Я сам рекомендовал полное воздержание. И чтобы даже руками не трогал. И не дышал.

– А он, наверное, рад.

– Всему рад, – подтвердил доктор. – И что наследник родится, и что в спальню супруги потребность наведываться отпала. Он теперь полностью в государственных делах погряз. Даже спит иногда в кабинете. На северной границе неспокойно. Кто-то огонь смуты разжигает.

– А что говорят другие лекари? Как могло произойти такое чудо? Столько лет не получалось, и на тебе. Чего молчишь, Фурдик? – скрипнул стул. Видимо, дракониha повернулась всем телом к доктору. – Ты же первый уверял, что в яде роза не распустится?

– Я подозреваю, что виной всему жедунь-трава, которую я здесь королю заваривал. Она обновила его кровь...

– Какие глупости ты говоришь. Даже я знаю, что жедунь-трава только похоть и вызывает. А вот то, что он до жены кувыркался здесь с Миленой, могло сыграть решающую роль.

– Как это? – голос подал Вокан. Значит, не двое их беседовало.

– А так. Таллен до Милены на блондинок смотреть не мог. Они вызывали у него отторжение на физическом уровне...

– О как наша Велица заговорила! Прямо сижу, заслушиваюсь, – крикнул Вокан. – А теперь, стало быть, когда король к одной конкретной блондинке страстью воспылал, он и жену свою под эту страсть с умом оприходовал.

– Хотите верьте, хотите нет, но такое случается, – обиделась Велица. – Достаточно представить во время соития другого перед глазами, так сразу происходит то, чего желаешь именно от него.

– И кого это ты во время наших соитий представляешь? – стул с грохотом отодвинулся. – Кузнеца своего?

– Ой, да уймись ты со своей ревностью. Не о том сейчас речь. Желал наш король ребенка? Желал. Сильно желал. Ему Донна матерью того ребенка казалась? Нет. Иначе не ходил бы в ее спальню как на повинность. А тут попутал Донну с Миленой, закрывши глаза чего только не представишь, и вот вам ребеночек!

– Глупости ты говоришь, женщина! – не унимался Вокан.

– Разумное зерно в твоих, Велица, фантазиях есть, – задумчиво произнес Фурдик. – Там, где мы подспудно ставим себе ограничения, мало что дельного может произойти. А вот если эти ограничения снять, то сознание запустит дремавший механизм...

– Велица, ты честно скажи, ставишь ограничения или нет?

– Вокан, уймись. Нет у меня никаких ограничений. Просто возраст уже не тот, чтобы с дитем нянчиться. Одно оно у меня на всю жизнь – мой Таллен.

Я сняла колъе, вырвав клочок волос.

– И чего ты, глупая, реवेशь?

– Он не любит меня. Совсем не любит.

– А говорил, что любит? – Велица гладила меня по голове. Прошло еще три месяца, а король так и не появился. Распустились первые цветы, ветер играл с изумрудной листвой, воздух пах весной, живот рос на глазах, и живущий в нем ребенок проявлял себя толчками.

– Нет, не говорил, но мог бы приехать. Я тут одна...

– А мы? И не может он приехать. Сама знаешь, королева ребенка ждет, радость во всем королевстве. Как он может сейчас все бросить и приехать к фаворитке? Да и зачем злить супругу? А ну как узнает, что у него еще одно дитя зреет?

О том, что королева ждет ребенка, судачили везде. Наследника ждали так, словно с ним мир переменится.

– А и переменится. Разве люд не задавался вопросом, отчего боги не дают королю дитя? Может, мудрые божественные старцы чувствуют, что династия неужгодна, пора другим на трон садиться? А тут такое подтверждение, что боги не серчают! И королева мягче стала, меньше ее брат по провинциям рыщет, недовольных властью сестры отыскивает. Все по чину у них теперь.

– А я?

– А ты радуйся, что боги и тебе счастья выделили. Не одна ты больше. Будет забота о чаде. С ним и любовь настоящая придет.

– К королю?

– К ребенку. Теперь эта любовь у тебя на первом месте будет.

Я успокаивалась на время, но все равно ревность скручивала меня. Стыдно признаться, но я ревновала Таллена к королеве. Злилась, что держит у себя, не дает нам увидеться. Я так хотела, чтобы он прижал ладони к моему животу...

– Да если бы король захотел, никакая юбка его рядом с собой не удержала бы.

И вот почему доктор Фурдик такой злой? Видит, что меня всю выворачивает, все равно яду подсыпает. Я уже устала слушать, как он докладывает о самочувствии королевы. И все-то у нее хорошо. Ребенок ножкой дергает, совсем как у меня, и на животе растяжки такие же, и грудь из маленькой такой же большой сделалась. Прямо сестры-близнецы мы.

– Сын будет, наследник, – Фурдик мечтательно закатывал глаза. – Все данные о том говорят.

– А у меня?

– А какая тебе разница, кто будет у тебя? Ты молись, чтобы о твоём ребенке не прознали, иначе не увидишь никогда, – ляпнул и схватился за рот ладонью. Велица его тогда по плечу лапищей своей огрела.

– Нечего девку пугать! Если сам пасть не раскроешь, никто и не догадается.

Однако напугал. И задумалась я о том, как сложится моя жизнь через три месяца.

Бежать надо. Разродится королева от бремени и полюбопытствует, не появилась ли на горизонте новая фаворитка. А тут кто-нибудь и проговорится, что есть одна, которая в Драконьем замке затаилась, истерики устраивает, что король ее не навещает. И вскроется, что фаворитка больше не одна, а с дитем на руках.

– Бежать надо.

– Тю! Опять бежать надумала. Куда с таким животом?

– Не сейчас, так потом, – я не унималась. И план уже придумала. – Велица, только ты мне можешь помочь. Надо сделать все тихо, чтобы никто не догадался, куда я делаюсь.

– Думаешь, искать не будут?

– Не будут, если пеленки на скалы бросить. Мол, не в себе после родов была, взяла дитя в руки и в море бросилась.

– Ну ты дурная...

– Я жить хочу. Где-нибудь далеко-далеко, даже, может быть, не в этой стране. И не говори, что жить не на что. Посмотри, сколько у меня королевских подарков.

– А о Таллене ты подумала? Ведь его дитя в тебе.

– Бастарда никто не защитит. Даже отец. Наведут порчу, как на Фиордес, и виноватых не найдешь. А не дай боги, у меня сын родится, да раньше законного, так и вовсе смута может начаться. Ну и что что бастард, и бастарды королями становятся.

Хоть и училась плохо, но на меня произвела впечатление история бастарда, захватившего власть в соседнем королевстве. Кто встанет против сильного сына короля, на сторону которого перешла армия? Настоящий-то чудил, чуть страну не разорил, вот и пришлось как нельзя кстати обнаружение известия, что не один у короля сын. Есть постарше и поумнее.

То ли приведенный пример на Велицу подействовал, то ли слезы мои, что могли навредить ребенку, но согласилась она с первой частью плана.

– Ладно, перевезу я драгоценности к своей сестре. Никто не подумает, что у нее такая ценность дома хранится. Живет ее семья скромно, детей трое, скоро четвертый появится.

– Вот и хорошо! Никто не станет допытываться, откуда пеленки во дворе сушатся. Сначала к ней переберусь, а потом, как дитя окрепнет, новое место найдем. И документы мне бы какие сделать, а, Велица?

Дракониха с сомнением покачала головой. Я ее понимаю. Какая-то девчонка толкает против воли короля. А ну как дознается, что не погибли мы на скалах, а прячемся у сестры Велицы?

Вещи собирали вместе. Сложили в ларец все драгоценности, сунули его на дно короба, сверху платье, расшитое жемчугами.

– Может, его не надо отправлять? – Велица придержала мою руку. – Вдруг Таллен заявится, скажет, надень?

Я рассмеялась.

– На такой-то живот? Да и не заявится, пока супруга благополучно не разродится. Разве же я не понимаю, что не она его силой в столице держит. Ему показать надо, что они вместе к великой радости готовятся. Хватит ей унижений с его фаворитками.

– А после?

– А после нас уже здесь не будет. Тут жемчуга на три жизни хватит.

Перед тем, как затянуть ремни на коробе, я остановила Велицу.

– Подожди. Давай я еще туда одну вещьцу положу.

– Ценная?

– Только для меня, – я вытащила из-под подушки дневник.

– Тю! Книжка!

Я заканчиваю писать. Трудно сказать, как сложится моя жизнь. Переживу ли роды? Если все случится, как задумано, буду в старости перелистывать страницы этого дневника, и вспоминать, как круто изменилась моя жизнь после всего лишь трех слов незнакомца, произнесенных в день моей свадьбы: «Право первой ночи!». Любила ли я короля? Сейчас трудно сказать, чувства переполняют меня. Наверное, я его просто простила. И благодарна, что вновь не подверг унижению, позволив почувствовать себя женщиной. Женщиной, ждущей дитя.

Глава 15. Дочь непокорная

– Нет! Не может быть! А где продолжение?! – София вертела рукописную книгу так, будто непременно должно отвалиться второе дно, способное явить описание дальнейшей жизни знатных любовников, и при этом чувствовала себя глубоко обманутой. Она ненавидела истории с открытым концом, порождающие кучу вопросов, а тут как раз такая. Что стало с Миленой? Осуществила она побег или так и осталась жить в Драконьем замке? Кого родила? Встретилась ли с королем? И где описание, как пережила Большую волну?

В то, что история из реальной жизни, София безоговорочно верила. Во всяком случае, ей очень хотелось, чтобы герои имели своих прототипов. Главным аргументом в сторону правдивости была Большая волна, которая когда-то на самом деле накрывала южное побережье Дамарии. О ней рассказывал отец. Он искренне сожалел, что грандиозное стихийное явление больше не повторяется, хотя гигантский Селлар все также в положенный срок появляется на небосклоне рядом с крошечным Кархом. Магические жемчужины, даже самые слабые, из года в год дорожали. Их становилось все меньше, а новые без Волны не обладали достаточной силой.

– Да, смотреть на Большую волну было жутко, но до чего же красиво! Дух захватывало! – отец большим пальцем приминал табак в трубке, совал ее в рот, но так и не разжигал. Матушка ревниво следила за тем, чтобы отец не курил при детях.

«Ха! При детях! Младшему Дарилу уже пятнадцать, старшему Вазеку так вообще под сорок», – София согнала с босой ноги божью коровку. Прикусила стебелек, легла на траву и мечтательно уставилась в небо. Ей до жути хотелось оказаться в том самом Драконьем замке на смотровой башне в миг, когда над головой несутся тонны воды.

– Софи! Софи!!! Дрянь такая!

София резко села, схватила книгу и судорожно заметалась, не зная куда ее деть. Сначала бросила на нее венок из одуванчиков, но алый корешок выдавал с головой. Подумала было зашвырнуть в кусты, но побоялась, что переплет не выдержит полета и развалится – тогда точно не отвертеться, и Гелена поймет, кто выкрал у нее личную вещь, поэтому не нашла ничего лучшего, чем прикрыть дневник юбкой.

– Это ты рылась у меня под тюфяком? – на поляне появилась разъяренная сестра-близнец. София до сих пор не понимала, почему их считают близнецами: она против Гелены выглядела как породистая лошадка против изящной козы. Единственное, что можно было с натяжкой назвать одинаковым в сестрах – белокурые локоны. На этом сходство заканчивалось. Одна с хрустально-голубыми глазами (в главу семейства Паву Вежанского), другая с темными, будто намокший камень – точно такие же у матушки Радуцы. И эти глаза метали молнии. Но сестре совсем не было страшно: гнев близняшки все равно, что гнев блохи, направленный на собаку. Неприятно, но не смертельно. Софи могла остановить ее одним движением – просто упершись ладонью в плоскую грудь, и Гелена ничего не смогла бы сделать. Разве что изрыгать проклятия. В кого она уродилась тонкокостной и хилой, ломала голову вся родня. Про таких говорят – плюнь, переломится. Саму Софи трудно было переломить. Переломить, переспорить, переиначить.

– Под каким тюфяком? – она удивленно вскинула брови.

– Ты дуру из меня не делай. Признавайся, куда спрятала книжку? Иначе...

– Иначе что? Маме расскажешь? Тогда я покажу ей твой альбом с рисунками. Ей очень понравится, каким ты там предаешься мечтам...

Сестра задохнулась от негодования. Близняшка и близко не догадывалась, что София обнаружила ее тайник, куда она прятала альбом с неприличными рисунками. Влюбленная в сына старосты, Гелена рисовала сценки поцелуев, объятий и прочих откровенных действий, где главными героями была она сама и божественно красивый Бохарт. В реальности ничего

такого не происходило: «возлюбленный» был гораздо старше шестнадцатилетних близнецов, а потому всюду гулял с девушками посочнее и побойчее.

– Корова! – Гелена топнула ногой и сжала пальцы в кулаки: бессильная злоба не находила выхода. В косу вцепится не сможет, как бы без своих волос не остаться, ударить тоже – ответ не замедлил бы прилететь. Вот и оставалось только шипеть: – Чтобы тебе рожу твою наглую перекосило!

– Что тут у вас опять? – из-за кустов выросла медвежья фигура Дарила. Хотя и был он младшеньким в семье Вежанских, обскакал ростом не только близнецов, но и старших братьев, двое из которых служили в егерских войсках. А туда мелких не берут.

– Она опять рылась в моих вещах! – Гелена выставила указательный палец, радуясь внезапной подмоге. Брат жалел «убогую», поэтому всегда держал ее сторону.

– Верни то, что взяла, – сурово произнес он. – Иначе...

– Что иначе? – София с беспокойством наблюдала, как брат закатывает рукава. Гелена противно хихикала, что уже совсем никуда не годилось. – Побьешь? Я это, Дарусик, переживу. Но переживешь ли ты, когда Бохарт узнает, что ты подглядываешь, как они с Ялей голышом в озере купаются? Лично видела твой зад в кустах.

– И как это ты ночью один зад от другого отличила? – вступилась за брата Гелена, расстроившись, что тот прекратил закатывать рукава.

– А откуда ты, Гелька, знаешь, что дело было ночью? Неужели сама в тех кустах сидела? А я-то все думаю, откуда ты знаешь, как Бохарт голым выглядит? Надо бы ему твои рисунки показать, пусть оценит, каким достоинством ты его наградила...

Договорить она не успела. Брат схватил за ноги и поволок по траве.

– Ой, моя книжка! – воскликнула Гелена, обнаружив ту на освободившемся месте, и счастливая поскакала впереди палача и его жертвы.

– Пусти! Пусти, гад! – Софи дергалась всем телом, но от этого ее положение становилось все более позорным. Платье задралось выше пупа, и она светила на всю округу испачканными в зелени панталонами.

– Это кто тут у нас такой красивый? – бархатный голос остановил всех троих. София скосила глаза и в лучах Лейрены разглядела широко улыбающегося Бохарта. Он ленивым движением соскочил с коня и подошел ближе. Брат, так и не отпустив ноги Софии, замер с открытым ртом. Совсем некстати у нее мелькнула мысль, а не за самим ли Бохартом подглядывал Дарил, столько в его взоре сквозило обожания. Хотя в Гремяках не нашлось бы мальчишки, который не желал бы походить на сына старосты: сильного, ловкого, удалого наездника и отменного стрелка. Черный конь был всаднику под стать – с такой же непокорной челкой, влажным взглядом темных глаз, выверенной грацией великолепного тела.

То, как быстро София натянула на голову подол платья, вызвало еще более громкий смех. Ее потормошили за плечо и, когда смущенная девушка явила лицо, увидела, что ей протянули руку помощи. Прежде чем вложить свою, она вытерла ее о себя: цепляние за траву не прошло бесследно.

– М-м-м, так барышни Вежанские уже выросли?

Крепкая рука Бохарта оплела ее талию и так тесно притянула к мужскому торсу, что дышать стало невозможно. Смеющийся взгляд скользнул по лицу и замедлился, когда достиг высот, виднеющихся в незастегнутом вороте платья. София запоздало вспомнила, что рванула его, когда ей сделалось жарко от описания любовных игр фаворитки и короля.

Она мило улыбнулась нахалу и тут же саданула коленом...

«Я попала!» – запоздало испугалась она, когда Бохарт сложился вдвое, а Гелена завизжала не хуже свиньи, пойманной в огороде с пожеванными кабачками.

– Бежим, – толкнула плечом застывшего брата и понеслась в сторону дома. Уже находясь в недосыгаемости – осталось всего лишь взлететь на крыльцо, София оглянулась. Гелена кудахта над пытающимся распрямиться парнем и бросала в сторону дома укоризненные взгляды.

– Ну все. Мне не жить! – произнесла Софи и, одернув платье, чинно вошла в дверь. – Мам! Я дома!

– А кто ж тогда в лавке? – Радуца с полотенцем в руках выплыла из кухни. София попятилась, понимая, что сейчас отхватит этим полотенцем. – Ты час как должна была заменить отца, а?

Цепкий взор матери выделил и зеленые пятна на платье, и расстегнутые пуговицы, и взлохмаченные волосы.

– Мама, я все объясню! – взвизгнула Софья, но неумолимое полотенце все же оставило свой влажный след на спине непокорной дочери. До лавки она неслась будто ветер, стараясь держаться задних дворов и огородов, где своим появлением довела до сердечного приступа с десяток кур и собак. Центральная улица определенно не перенесла бы забега на ходу плетущей косу и застегивающей платье девицы, и судачила бы о Вежанской Софийке не одну неделю.

– Явилась-таки! – отец выбил трубку о прилавок. Под потолком висел сизый дым. – Хорошо, что Бохарт согласился съездить и напомнить, иначе бы до темна тут сидел. На вот, он цветок тебе принес. Аленький.

София покосилась на одиноко лежащий среди пил и топоров цветок. Вспомнив, как приветила первого красавца, закусила губу. «Будет знать, как в кликуны напрашиваться». Чтобы отец не заметил рдеющие щеки, схватила полотенце и принялась им разгонять дым.

Пава от двери обернулся.

– Ты передник, что ли, накинь. Весь подол в зелени.

– Ты еще мои панталоны не видел, – буркнула себе под нос София, снимая с крючка широкий фартук.

– А? Что? – отец приложил ладонь к уху.

«Совсем старый стал. Видать, ноги болят, раз опять с клюкой. Жалко его».

– Я говорю, меня никто не видел! Огородами бежала!

– А почему вся спина зеленая?

– Упала!

– Мать заругает.

– Уже!

Отец махнул рукой и пошел, раскланиваясь по пути со старыми знакомыми. Жизнь в Гремяках текла неторопливо, по раз и навсегда заведенному порядку. Вставали с гулками ударами колокола, установленного с незапамятных времен в храме на горе Сипун, и ложились с ними же. В перерывах между занимались кто торговым делом, кто ремесленным, кто садом-огородом, лишь в выходные дни позволяя себе прогуляться по центральной площади, куда на ярмарку съезжался люд из соседних деревень. Здесь же завлекали криками да раскрашенными мордами цирковые и кукольники, приглашая подивиться на разыгрываемые сценки.

Заглянул мужик крестьянского вида, долго вертел уздечки, приценивался, потом перешел к прилавку, за которым на стене висели ножи, тесаки и прочее колюще-режущее оружие, создаваемое руками старшего брата. Сразу за лавкой высился его дом с кузницей, оттуда и доносился перезвон большого и малого молотов. Вазек Вежанский жил отдельной семьей. К нему, как к первенцу, перешло отцовское дело, и теперь он со своими подросшими сыновьями мастерил то, чем неизменно пополнялась лавка. Софии, от осознания, что стоит ей крикнуть, и прибегут сразу три богатыря, оставаться за прилавком одной было не боязно, однако не все приезжие о том знали, а потому случались курьезы.

Вот и сейчас крестьянин подкрутил ус и принялся требовать посмотреть то один нож, то другой, а пока София снимала их с крюков, незаметно сунул за голенище сапога самый доро-

гой. Так и не решив, какой купить, заплатил медяком за препаршивейшую уздечку и двинулся к выходу.

– Дяденька, серебряный вир не додали, – София поправила фартук, и сложила руки на прилавке. Ну чистая барышня! – За ножичек.

– Какой такой ножичек? Не брал. А твоя уздечка и дивира не стоит, считай, переплатил, – и в издевательском жесте приподнял свою шапку. А сам к двери пятится, сейчас переступит порог, и поминай как звали. Улица хоть одна, центральная, а переулков множество, замучаешься плутать.

Как улыбался мужик, думая, что провел девицу, так и рухнул спиной на крыльцо. В чем-чем, а в метании скалок Софии не было равных.

Ножик вернулся на законный крюк, крестьянина, надавав на прощание тумачков, племянники к кабаку оттащили – его хозяину не привыкать, что кто-то пьяный спиной стену подпирает, а София Вежанская вновь превратилась в чинную барышню, занятую торговым делом.

Лавку закрывала в приподнятом настроении: предвкушала, как осуществит обещанную месть. Нет, маме показывать художества своей близняшки не станет, пошлет один из похабных рисуночков Бохартовой любовнице. Пусть знает, что за ней наблюдает подрастающая соперница. А уж Яля церемониться не станет, у нее язык острее закаленного клинка, быстро всякую охоту подглядывать отобьет.

Подходя к дому, София удивилась, что огни горят чуть ли не в каждой комнате. И даже на улице зажгли плошки с маслом.

– Праздник? – София поковырялась в памяти, но на ум пришел только Яблонев день, должный случиться через неделю. Так к чему жечь масло, за которое столичным купцам отвалили аж золотой вир? Еще больше удивила красная дорожка, тянущаяся от калитки до крыльца.

«Неужели кто-то из братьев на побывку приехал да невесту в дом привел?»

София шла по траве, боясь запачкать дорогое полотно.

Войдя в главную комнату, застыла в дверях. Быстро оценила растерянный взгляд матери, сведенные к переносице брови отца, заплаканные глаза Гелены. Из братьев только младший, но ему жениться рановато.

– Что?

За спиной неизвестно откуда выросли двое: Бохарт и его отец. Набросили на плечи Софии белый палантин и быстро спеленали им, словно саваном. Она и слово не успела сказать, как оказалась на руках Бохарта.

В голос заплакала Гелена. Дарил обнял ее, зашептал на ухо слова утешения.

– Дарил, ты хоть объясни, что здесь происходит?

– Сосватали тебя, – прошептал, словно бархатом по душе прошелся, Бохарт. – Теперь, если с тобой на руках на гору Сипун поднимусь и ни разу не оступлюсь, домой заберу. Сегодня же в постель со мной ляжешь.

– Да откуда же обычай такой?! – София не верила, что все происходящее явь. Никогда в Гремяках насильно невесту к храму на горе не носили. Сама шла об руку с женихом, отсчитывая ступени и слушая мудрые заветы богов.

– Вправе они, доченька, – отец тяжело поднялся. – Если боги не захотят твоего замужества, то на одном из заветов Бохарт споткнется.

– Мама!

Радуга заплакала, уткнувшись в платок.

– Так будет лучше, доченька, поверь!

– Нечего слезы лить! – рубанул рукой воздух староста. – Мы, Васуки, богатейшие в этом поселке. Бохарт умом вышел и статью. В ноги должны кланяться, что его выбор пал на вашу дочь.

Разве же так берут в невесты? Почему в речах старосты слышался упрек, что Вежанские мордами да положением не вышли, что, несмотря на лавку и кузницу, так и не перестали считаться временщиками, поскольку жили так, будто не хотели привыкать к месту и готовились сорваться в любой момент?

– Но я не люблю его!

– Полюбишь, душа моя, – голос Бохарта был сладок до тошноты. – Сегодня же ночью полюбишь.

– Софийка, прости! – истерично закричала Гелена, и столько в том крике было раскаяния и боли, что сестра поняла – не просто так отец и мать молчат. Что-то случилось, и единственный откуп, на который согласился староста – она, София Вежанская.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.